Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(РОСКОМНАДЗОР)
Регистрационный номер
ПИ № ФС77–72299
от 1 февраля 2018 г.

Журнал размещен
в системе РИНЦ
на платформе научной
электронной библиотеки
eLibrary.ru

Адрес редакции
670000, Республика
Бурятия, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, д. 24а
uf.tipg@mail.ru

Адрес издателя
670000, Республика
Бурятия, г. Улан-Удэ,
ул. Ранжурова, д. 4
rio@bsu.ru

Редактор *Ж. В. Галсанова*
Перевод на английский язык
С. В. Сазоновой
Компьютерная верстка
В. О. Войлошникова

Формат 70x108 1/16.
Уч.-изд. л. 4,64.
Усл. печ. л. 6,3.
Тираж 1000. Заказ 118.
Дата выхода в свет
30.10.2026.
Цена свободная

Отпечатано в типографии
Издательства БГУ
670000, Республика
Бурятия, г. Улан-Удэ,
ул. Сухэ-Батора, д. 3а

Учредитель
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова»

Издается с 2018 г. Выходит 4 раза в год

**ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2026. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
Выпуск 3

В журнале опубликованы статьи по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям наук:

5.1. Право

Редакционный совет

А. Т. Тумурова, д-р юр. наук, доц. (гл. редактор) (Бурят. гос. ун-т им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ); С. Ж. Дугарова, д-р ист. наук, доц. (зам. гл. редактора) (Бурят. гос. ун-т им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ); Махир Байрам оглы Ахмедов, д-р юр. наук, проф., зам. начальника Академии полиции МВД Азербайджанской Республики по учебной и научной работе (г. Баку); Баярсайхан Батсух, д-р наук, проф. (Нац. ун-т Монголии, г. Улан-Батор); Ю. П. Гармаев, д-р юр. наук, проф. (Бурят. гос. ун-т им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ); Т. Е. Каудыров, д-р юр. наук, проф. (Академия при Верховном суде Республики Казахстан, г. Астана); С. А. Маркунцов, д-р юр. наук, доц. (Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», г. Москва); Д. Я. Малешин, д-р юр. наук, проф. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, г. Москва); Рашад Юсиф оглы Мамедов, д-р философии по праву, доц. (Академия полиции МВД Азербайджанской Республики, г. Баку); И. М. Мацкевич, д-р юр. наук, проф. (Моск. гос. юр. ун-т им. О. Е. Кутафина, г. Москва); Э. Л. Раднаева, канд. юр. наук, доц. (Бурят. гос. ун-т им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ); А. Л. Репецкая, д-р юр. наук, проф. (Иркут. гос. ун-т, г. Иркутск); Пан Дунмэй, д-р юр. наук (Хэйлунцзянский университет, Китай, г. Харбин); Ю. И. Скуратов, д-р юр. наук, проф. (Бурят. гос. ун-т им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ)

Редакционная коллегия

В. А. Вашагин, преп. кафедры теории и истории права и государства (Ин-т права и экономики Бурят. гос. ун-та им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ); Т. Б. Гнеушева, канд. филос. наук, доц. кафедры конституционного и международного права (Ин-т права и экономики Бурят. гос. ун-та им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ); Б. С. Семёнов, канд. юрид. наук, доц., доц. кафедры конституционного и международного права (Ин-т права и экономики Бурят. гос. ун-та им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ); Ю. Г. Хамнуев, канд. юрид. наук, доц., зав. кафедрой конституционного и международного права (Ин-т права и экономики Бурят. гос. ун-та им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ)

© Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПРАВА

Кравченко Н. В. Признаки инновационной медицинской технологии: вопросы доктрины и права 5

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Леонтьев В. Н. Международно-правовые вопросы обеспечения безопасности на Евразийском пространстве 11

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

Ионкина Р. С. Особенности криминалистического анализа оснований для избрания меры пресечения или продления сроков содержания под стражей, домашнего ареста, применения залога и запрета определенных действий 18

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Ватутина О. Ю. Цифровые технологии в доказывании по уголовным делам с использованием специальных знаний 29

Курбатова С. М. Проблемы надлежащего участия в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями здоровья 35

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИИ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Дашиева А. Д. Нормативное регулирование деятельности по предупреждению преступлений и иных правонарушений органами прокуратуры России и некоторых азиатских стран 41

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Захаренкова В. В., Сидорова Н. А. Некоторые аспекты оценки доказательств на стадии судебного разбирательства: сравнительно-правовой аспект положений Российской Федерации и Китайской Народной Республики 49

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Бальчиндоржиева О. Б., Мяханова А. Н., Скиба А. П. Условно-досрочное освобождение осужденных по медицинским показаниям: современные тенденции в Индии и Китае 61

CONTENTS

CURRENT ISSUES IN THE THEORY OF LAW

Kravchenko N. V. Features of innovative medical technology: Doctrinal and legal issues 5

CURRENT ISSUES OF INTERNATIONAL LAW

Leontyev V. N. International legal issues of ensuring security in the Eurasian space 11

CURRENT ISSUES IN FORENSIC SCIENCE

Ionkina R. S. Forensic aspects of analyzing the grounds for choosing a preventive measure or extending the terms of detention, house arrest, bail, and prohibition of certain actions 18

CURRENT ISSUES IN CRIMINAL PROCEDURE

Vatutina O. Yu. Digital technologies for evidence in criminal cases involving specialized knowledge 29

Kurbatova S. M. Issues of proper participation of persons with disabilities in criminal proceedings 35

CURRENT ISSUES OF CRIMINOLOGY IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Dashieva A. D. Regulatory framework of crime and offense prevention by prosecution authorities of Russia and certain Asian countries 41

CURRENT ISSUES OF CRIMINAL PROCEDURE IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Zakharenkova V. V., Sidorova N. A. Some aspects of evidence evaluation at the trial stage: A comparative legal analysis of the regulations in the Russian Federation and the People's Republic of China 49

CURRENT ISSUES OF CRIMINAL PROCEDURE IN FOREIGN COUNTRIES

Balchindorzhieva O. B., Myakhanova A. N., Skiba A. P. Medical Parole for Convicts: Current Trends in India and China 61

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПРАВА

Научная статья
УДК 347
DOI: 10.18101/2658-4409-2026-3-5-10

Признаки инновационной медицинской технологии: вопросы доктрины и права

© Кравченко Наталья Владимировна
преподаватель кафедры гражданского права,
Юго-Западный государственный университет
Россия, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
kravchenko-nv46@yandex.ru

Аннотация. Новые научные достижения, которыми активно пополняется современная медицина, часто объединяются в понятие «инновационная медицинская технология», но при этом регулируются разрозненно: каждая категория новшеств имеет собственные правовые нормы, а целостного правового института пока не существует. Отсутствие в законодательстве чётких определений — понятия, правовой сущности, субъектного состава и обязательств, связанных с инновациями в медицинской отрасли, — приводит к их неопределенному гражданско-правовому статусу, затрудняет разработку и внедрение. Научное обоснование правовой природы инновационных медицинских технологий и последующая легализация в праве позволят преодолеть излишнюю абстрактность этого правового института и выстроить практико-ориентированный правовой инструментарий.
Ключевые слова: инновации, технологии, инновационная медицинская технология, результат интеллектуальной деятельности, этика, оценка эффективности.

Для цитирования
Кравченко Н. В. Признаки инновационной медицинской технологии: вопросы доктрины и права // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2026. Вып. 3. С. 5–10.

Интенсивный научно-технический прогресс, охватывающий в том числе и медицинскую сферу, обусловливает потребность в сбалансированном правовом регулировании процессов создания, внедрения и применения инновационных решений. При этом в рамках отечественной правовой системы до сих пор не закреплены базовые категории, характеризующие данный сегмент: отсутствует легальное определение инновационных медицинских технологий, не раскрыта их правовая природа, не систематизированы участники соответствующих правоотношений и не очерчен их полный субъектный состав. Аналогичная недостаточность наблюдается и в доктринальных разработках.

Не вдаваясь в подробный разбор таких составляющих понятий, как «инновация», «технология», обозначим, что большинство ученых исходя из легального закрепления инновации в статье 2 федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О науке и государственной научно-технической политике»

детерминируют ее как результат инновационной деятельности, используемый в практической плоскости [1; 2]. Кроме того, в цивилистике акцентируется внимание на прорывном характере инноваций, открывающих новые возможности, а также на их частичной или полной охраноспособности [3].

Исходя из легального и доктринального подходов можно выделить следующие признаки инновации:

– обладает определенной товарно-стоимостной формой: продукт, услуга, работа, технология;

– является результатом интеллектуальной деятельности, представляет собой частично или полностью охраноспособный объект права;

– имеет экономический (рациональный) эффект в результате ее внедрения;

– находит безусловное практическое применение, вводится в употребление.

Понятие «технология» также обладает многозначностью и раскрывается через несколько базовых смыслов. С одной стороны, оно охватывает систему знаний, методов и приемов, с другой — отражает практическую деятельность, представляя собой процесс преобразования или изменения объекта посредством определенного набора действий и процедур. Согласно концепции Ф. Янсена, в основе всего лежит технология, а затем ее приложения — товары, услуги, неизменный поток инноваций [4].

В отечественном праве определение технологии как совокупности научно-технических знаний, процессов, оборудования и материалов, которые могут быть использованы при разработке, производстве или эксплуатации продукции, было легализовано в постановлении Правительства РФ от 29.01.2007 № 54 «О федеральной целевой программе “Национальная технологическая база” на 2007–2011 годы». При этом действие данного документа ограничено производственно-промышленной сферой.

В федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закреплен ряд технологий (например, в статье 2 содержится определение телемедицинских технологий, в статьях 34, 36.1 и 55 речь идет о сложных, клеточных, информационных, вспомогательных репродуктивных технологиях), при этом законодатель ограничивается фиксацией отдельных видов, не выстраивая медицинские технологии в единую категориальную систему.

Несмотря на то, что в научных работах также нередко оперируют понятиями «медицинская технология» (как обобщающей категорией) и «инновационная медицинская технология» (как ее частным случаем), говорить о том, что унифицированное правовое понимание этих терминов как в праве, так и в научной среде сформировалось, преждевременно.

Базовое понимание медицинской технологии дает ГОСТ Р 56044-2014 «Оценка медицинских технологий. Общие положения» через ее составные элементы: методы диагностики, лечения, профилактики и реабилитации, системы охраны и укрепления здоровья, не раскрывая ее институциональной сути.

Объектом применения медицинской технологии выступает здоровье/жизнь человека, именно решение вопроса сохранения нематериальных благ пациента является лейтмотивом применения медицинскими работниками (имеющими

соответствующие знания и навыки) в процессе оказания медицинской помощи тех или иных лекарственных препаратов и (или) медицинских изделий. Представляется, что медицинская технология — это не мозаичная конструкция, а совокупность двух неразрывно связанных между собой элементов. Первый компонент носит когнитивно-волевой характер: медицинский работник, получая необходимые данные о физическом и психическом состоянии пациента, интерпретирует их и, соотнеся с научными данными о той или иной болезни, выбирает способ воздействия на физическое/психическое состояние человека в целях лечения, реабилитации или абилитации. Второй компонент — операционный — включает практические действия, направленные на достижение требуемого клинического результата. К ним относятся вмешательства физического характера (применение лекарственных препаратов, биомедицинских клеточных продуктов, медицинских изделий, роботизированной техники) и/или методы психологического воздействия (например, гипнотерапия).

Таким образом, медицинская технология представляет собой комплекс обоснованных и эмпирически подтвержденных методов, регламентирующих применение медицинских изделий, лекарственных средств и иных способов воздействия на организм человека, в том числе на уровне клеток, органов и тканей в процессе профилактики, диагностики, лечения, реабилитации, абилитации пациентов.

Инновационные медицинские технологии, в свою очередь, целесообразно рассматривать как преобразованные, усовершенствованные, созданные медицинские технологии, являющиеся результатом интеллектуальной деятельности, внедряемые в практическую медицину и подлежащие оценке эффективности. Инновация выступает базисом для инновационной медицинской технологии, но приравнивать эти категории либо трактовать инновацию как родовое понятие по отношению к инновационной медицинской технологии методологически неверно.

При сопоставлении признаков инновации, присущих ей как правовому институту, с характерными особенностями инновационных технологий в медицине можно отметить, что последние, хотя и включают в себя указанные признаки, выходят за их пределы и обладают собственной спецификой.

Наряду с преимуществами инновационные медицинские технологии (например, когда речь идет о прорывных биотехнологиях) несут в себе и серьезные непредвиденные в долгосрочной перспективе риски и могут быть деструктивными для всей человеческой популяции [5, с. 246]. В связи с этим в науке и правовой действительности особое внимание уделяется этическому измерению таких технологий, что явно не характерно для инноваций, например, в сфере производства или оказания услуг. Нормативной иллюстрацией такого подхода выступает ч. 2 ст. 36.1 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», предусматривающая обязательное заключение этического комитета при проведении клинической апробации. Анализ буквального содержания нормы свидетельствует о ее узконаправленном характере, поскольку предмет регулирования статьи сводится к практическому применению разработанных и ранее не применявшихся методов для подтверждения их эффективности. За пределами правового поля остались инновации, находящиеся в разработке, а реальные механизмы их внедрения выходят за рамки закрепленной в законе модели.

Динамичное развитие биотехнологий и сопутствующий рост связанных с ними рисков обусловливают формирование в праве новой предметной области — биобезопасности. Параллельно наблюдается трансформация парадигмы прав человека путем расширения восприятия права на жизнь от частноправовой к публично-правовой инновационности. В содержание этого права интегрируются дополнительные правомочия, такие как право на спасение жизни и ее сохранение, право требовать от государства создания надлежащих условий жизнеобеспечения, право на самовоспризводство как форму биологической самореализации, право на биосоциодуховную самореализацию и другие [6, с. 9].

При этом защита конституционных институтов — нематериальных прав человека — должна изначально предопределять цель научной медицинской деятельности, результатом которой и является инновационная медицинская технология. Статья 4 ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» предусматривает мотивированный отказ ученого от участия в научных исследованиях, оказывающих негативное воздействие на человека, общество и окружающую среду, однако при генетических, биомедицинских и иных медтехнологиях важны морально-этические принципы, которые не нашли должной легализации [7, с. 152]. При этом количество и виды рисков в сфере биобезопасности постоянно увеличиваются. В 2024 г. Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) актуализировано руководство по лабораторной биобезопасности, в котором искусственный интеллект представлен как дополнительный источник возникновения биологического риска. При формировании нормативных подходов к применению инновационных медицинских технологий необходимо в первую очередь обеспечить реализацию конституционных гарантий прав личности, поддерживать уровень общественной и государственной безопасности, соблюдать баланс между принципами информационной открытости и конфиденциальности данных [8, с. 44–45].

Неотъемлемой частью внедрения инновационных медицинских технологий является оценка их эффективности. Интенсивное развитие медицинской отрасли, сопряженное с финансовыми вложениями в научные исследования, и дальнейшее тиражирование в практическую медицину предопределяют развитие процесса обобщения информации не только о безопасности, но и об эффективности внедряемых технологий с экономической (ресурсной), организационной и терапевтической точек зрения. В ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» говорится об экспертизе качества медицинской помощи (ст. 64), оценке системы управления качеством медицинских изделий (ст. 38), независимой оценке качества условий оказания медицинских услуг (ст. 79.1).

При этом данные процедуры имеют различную целевую направленность и не тождественны комплексной оценке инновационных медицинских технологий. Оценка медицинских технологий как правовой институт представляет собой форму научного исследования и имеет более широкий объект и более глобальное значение как для медицинского сообщества, так и для страны и ее населения. Оценка эффективности также определяет финансово-затратный показатель, позволяющий рассматривать инновационную медицинскую технологию как системное решение, встраиваемое в существующую модель отечественного здравоохранения.

Между тем неопределенность гражданско-правового статуса инновационных медицинских технологий порождает трудности в правоприменении, поскольку складывается несистемное, зачастую неофициальное расширительное толкование правовых явлений, что в итоге подрывает регулятивный потенциал права и как следствие приводит к диаметрально противоположным результатам: затруднения во внедрении перспективных разработок, нарушения регуляторных процедур/этических норм на этапе научных исследований.

На основании проведенного исследования можно выделить ключевые признаки инновационной медицинской технологии:

– объединяет комплекс медицинских методов, определяющих способы применения медицинских изделий, лекарственных препаратов, технических средств и иных приемов воздействия на организм человека, его клетки, органы и ткани в целях профилактики, диагностики, лечения, реабилитации, абилитации;

– выступает продуктом интеллектуальной деятельности и потенциально (полностью или частично) подлежит охране как объект интеллектуальных прав;

– предполагает достижение экономически обоснованного эффекта при внедрении в практическую медицину;

– соответствует этическим требованиям и установленным стандартам;

– характеризуется обязательной реализуемостью в системе здравоохранения;

– подлежит объективной оценке эффективности, позволяющей подтвердить результативность и целесообразность ее применения.

Литература

1. Казаков С. П. Новые подходы к определению нововведений и инноваций // Научные труды Вольного экономического общества России. 2010. Т. 137. С. 230–240.

2. Парфёнова А. Ю., Юкласова А. В. К вопросу о понятии «инновации» // Московский экономический журнал. 2019. № 8. С. 734–738.

3. Азгальдов Г. Г., Костин А. В. К вопросу о термине «инновация» // Оценка эффективности инвестиций / ответственный редактор В. Н. Лившиц. Москва : Изд-во Центрального экономико-математического института РАН, 2010. Вып. 4. С. 6–22.

4. Янсен Ф. Эпоха инноваций. Москва : Инфра-М, 2002. 308 с.

5. Мохов А. А. Современным технологиям здравоохранения адекватное правовое обеспечение // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 2. С. 240–248.

6. Кравец И. А. Биоэтические векторы достоинства и культурного разнообразия в конституционной и международной биоюриспруденции: перспективы конституционализации биобезопасности и достижения биоэтического благополучия // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 1. С. 7–17.

7. Генетические технологии и медицина: доктрина, законодательство, практика: монография / ответственные редакторы А. А. Мохов, О. В. Сушкова. Москва : Проспект, 2021. 554 с.

8. Комарова В. В. Биотехнологии и их роль в реализации права человека на жизнь и права на здоровье // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4. Государство и право. 2025. № 2. С. 38–50.

Статья поступила в редакцию 02.07.2026; одобрена после рецензирования 05.08.2026; принята к публикации 18.09.2026.

Features of Innovative Medical Technology: Doctrinal and Legal Issues

Natalya V. Kravchenko
Lecturer at Department of Civil Law
South-West State University
94 50 let Oktyabrya St., Kursk 305040, Russia
kravchenko-nv46@yandex.ru

Abstract. Modern medicine is being actively enriched by new scientific achievements, which are often grouped under the concept of «innovative medical technology». However, their regulation remains fragmented with each category of innovation governed by its own legal norms, and a cohesive legal framework has yet to be established. The absence of clear legislative definitions regarding the concept, legal nature, parties involved, and obligations associated with medical innovations leads to an uncertain civil law status, hindering their development and implementation. Providing a scientific substantiation for the legal nature of innovative medical technologies and their subsequent codification into law will help overcome the excessive abstractness of this legal concept and construct a practice-oriented legal toolkit.
Keywords: innovations, technologies, innovative medical technology, intellectual activity results, ethics, efficiency assessment.

For citation
Kravchenko N. V. Features of innovative medical technology: Doctrinal and legal issues. *Bulletin of Buryat State University. Law.* 2026; 3: 5–10 (In Russ.).

The article was submitted 02.07.2026; approved after reviewing 05.08.2026; accepted for publication 18.09.2026.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Научная статья
УДК 341.31
DOI: 10.18101/2658-4409-2026-3-11-17

Международно-правовые вопросы обеспечения безопасности на Евразийском пространстве

© Леонтьев Вячеслав Николаевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права,
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева
Россия, 117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, 69
leon70.70@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу современных проблем международного права, вызванных кризисом системы международных отношений и трансформацией мирового порядка. Рассматриваются вопросы формирования многополярной модели международных отношений и ее влияния на развитие международно-правового регулирования. Цель исследования состоит в выявлении пробелов в правовом регулировании отношений между государствами в период межгосударственных вооруженных конфликтов и определении основных направлений их устранения. В результате исследования установлено, что в действующем международном праве недостаточно урегулированы вопросы, связанные с определением понятия и видов вооруженных конфликтов, правового статуса государств как их сторон, критериев признания государства участником такого конфликта, а также действия международных договоров в этот период. Научная новизна исследования заключается в обосновании необходимости совершенствования международно-правового регулирования указанных отношений с учетом современных изменений в системе международных отношений и развития многополярного миропорядка.

Ключевые слова: международное право, международно-правовое регулирование, межгосударственный вооруженный конфликт, международная безопасность, вооруженный конфликт, вооруженные силы, субъекты международного права.

Для цитирования
Леонтьев В. Н. Международно-правовые вопросы обеспечения безопасности на Евразийском пространстве // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2026. Вып. 3. С. 11–17.

Вся история человечества показывает, что вооруженные конфликты как способ разрешения межгосударственных противоречий велись, ведутся и, к сожалению, будут вестись. Казалось, что современная система международных отношений, сложившаяся после 1945 г., если и не исключила вооруженные конфликты полностью, то минимизировала их виды и последствия.

Изменения, произошедшие в международных отношениях после окончания «холодной войны», сформировали принципиально иную политическую

реальность. Прекращение существования СССР, изменение конфигурации военно-политических союзов, появление новых центров силы объективно требовали изменения сложившейся системы международных отношений. Однако этого не произошло. Международно-правовые механизмы, создававшиеся применительно к иному соотношению политических сил, продолжают функционировать практически без изменений, что закономерно снижает эффективность всей системы международного права.

Следствием этого стало то, что действующая система международного права во все меньшей степени отвечает современному состоянию международных отношений. Это проявляется не только в отсутствии эффективных механизмов реализации международно-правовых норм, но и в постоянном увеличении количества таких норм, содержащихся в международных договорах, актах международных организаций и практике международных судебных органов. Само по себе существование значительного массива международно-правовых предписаний не обеспечивает их исполнения, если отсутствуют реальные международно-правовые механизмы контроля за соблюдением государствами принятых обязательств.

Дополнительными факторами, оказывающими непосредственное влияние на международную безопасность, являются процессы региональной интеграции, изменение мирового баланса сил и наращивание государствами своего военного потенциала [2]. Последние события свидетельствуют о том, что вооруженный конфликт между государствами, обладающими ядерным оружием, уже не может рассматриваться исключительно как теоретическая возможность. При этом международно-правовая оценка применения вооруженной силы все чаще определяется не единым пониманием норм международного права, а политической позицией отдельных государств и создаваемых ими военно-политических объединений.

В последние годы все заметнее становится стремление отдельных государств к формированию такой модели международных отношений, при которой они стремятся обеспечить собственное доминирование, навязывая другим государствам свое понимание государственного и политического устройства. Подобный подход вступает в очевидное противоречие с основополагающими принципами международного права, закрепленными в Уставе ООН, прежде всего с принципами суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела и неприменения силы.

Последние международные кризисы показали, что существующий механизм коллективной безопасности уже не способен столь же эффективно, как предполагалось при создании Организации Объединенных Наций, обеспечивать поддержание международного мира и безопасности. Политические разногласия между государствами оказывают непосредственное влияние на деятельность международных институтов, призванных поддерживать мир и безопасность, что существенно ограничивает их возможности по предупреждению и урегулированию вооруженных конфликтов. «Паралич» деятельности международных органов (возникший, надо признать, в силу объективных обстоятельств), созданных для обеспечения международной безопасности, привел к субъективному подходу при определении правомерности/неправомерности вооруженного конфликта.

Международное право исходит из того, что вооруженное противостояние между государствами не исключено как явление международной жизни. При этом действующая система международного права[1] не содержит императивного запрета вооруженных конфликтов как таковых. Закрепленная в ч. 4 ст. 2 Устава ООН обязанность государств воздерживаться от угрозы силой или ее применения не означает абсолютного запрета использования вооруженной силы. Именно поэтому международное право разграничивает такие правовые категории, как «агрессивная война»[2] и «вооруженное нападение»[3], связывая с ними различные международно-правовые последствия.

Применение вооруженной силы в межгосударственных отношениях допустимо лишь после исчерпания предусмотренных международным правом мирных средств урегулирования международных споров, закрепленных в главе VI Устава ООН. Вооруженный конфликт представляет собой форму разрешения межгосударственного спора посредством вооруженной борьбы и не может рассматриваться вне установленной международным правом процедуры урегулирования разногласий. Если использование мирных средств не позволило примирить стороны, государство получает основание для перехода к военному способу разрешения спора (casus belli[4]). Иной международно-правовой характер носят действия государства, которое прибегает к вооруженной силе без соблюдения предусмотренной международным правом процедуры мирного урегулирования. В этом случае применение силы квалифицируется как агрессивная война, образующая международное преступление.

Правоотношения государств в период вооруженных конфликтов регулируются нормами международного права. Однако как в теории, так и в практике правового регулирования деятельности государств в период вооруженного конфликта встречаются различные наименования данных правоотношений, используемые тождественно: международное гуманитарное право, право войны, право вооруженных конфликтов.

Вместе с тем это не совсем верно. Несмотря на то, что понятия «право войны», «международное гуманитарное право» и «право вооруженных конфликтов» используются применительно к одной сфере общественных отношений, их нельзя рассматривать как тождественные. Общим для них является вооруженный конфликт, однако предмет правового регулирования, субъектный состав и механизм реализации соответствующих правовых норм существенно различаются. Именно эти критерии позволяют определить место каждого из указанных институтов в системе современного международного права.

Право войны регулирует отношения между государствами, возникающие в связи с началом, ведением и прекращением вооруженного конфликта. Его предметом являются исключительно межгосударственные отношения, а содержание

[1] Устав ООН, Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г.

[2] Резолюция № 3314 Генеральной ассамблеи ООН от 14.12.1974.

[3] Статья 51 Устава ООН.

[4] *casus belli* — термин обычного права, означающий предъявление условий (ультиматума), при невыполнении которых начинается война между государствами.

составляют нормы, определяющие правовой статус сторон вооруженного конфликта, режим нейтралитета, пределы театра военных действий, особенности действия международных договоров в период вооруженного конфликта и иные вопросы, непосредственно связанные с обеспечением международной безопасности. Следовательно, право войны относится к институтам международного публичного права, регулирующим сферу международной безопасности.

Иной предмет регулирования имеет международное гуманитарное право. Оно не определяет порядок взаимоотношений между государствами, а регулирует правовое положение физических лиц в условиях вооруженного конфликта. Международное право устанавливает лишь общие стандарты их защиты, тогда как их реализация обеспечивается нормами национального законодательства. Именно национальное право определяет круг комбатантов, устанавливает составы преступлений за нарушение норм международного гуманитарного права, меры уголовной ответственности и порядок применения соответствующих международных обязательств.

Право вооруженных конфликтов также нельзя сводить исключительно к международно-правовому регулированию. Его содержание определяется сочетанием норм международного и национального права. Международное право закрепляет обязательные правила поведения государства в условиях вооруженного конфликта, однако их практическая реализация осуществляется посредством национального законодательства, устанавливающего полномочия органов государственной власти, военного командования и иных должностных лиц. В этом заключается принципиальное отличие права вооруженных конфликтов как от права войны, так и от международного гуманитарного права.

С позиций общей теории права право представляет собой регулятор общественных отношений. Однако сами общественные отношения формируются в разных государствах под влиянием исторических, политических, социальных, экономических, религиозных и иных факторов. Этим обусловлены объективные различия между национальными правовыми системами. В то же время, принимая на себя международные обязательства, государство должно обеспечивать их исполнение независимо от особенностей своего национального законодательства. Именно необходимость согласования международных обязательств с национальным правовым регулированием составляет одну из ключевых проблем соотношения международного и национального права.

Изменение характера современных международных отношений объективно требует совершенствования самой системы международного права. Речь не идет о пересмотре ее фундаментальных основ или отказе от существующей модели международно-правового регулирования. Необходима адаптация сложившихся международно-правовых механизмов к современным условиям формирования многополярной системы международных отношений.

Одним из направлений такого развития является усиление регионального уровня международно-правового регулирования. Универсальные международные механизмы уже не способны в полной мере учитывать особенности разных регионов мира. В то же время региональные объединения позволяют государствам

реализовывать общие политические, экономические и военно-стратегические интересы без ущерба для собственного суверенитета. Участие государства одновременно в нескольких региональных объединениях не противоречит его международной правосубъектности, если такое участие основано на соблюдении общепризнанных принципов международного права.

При таком подходе международно-правовое регулирование будет ориентировано не на защиту интересов отдельного государства, а на обеспечение баланса интересов государств соответствующего региона, что в конечном итоге отвечает задачам поддержания международного мира и безопасности. Однако подобная модель может быть эффективной только при условии единообразного понимания и добросовестного соблюдения государствами основополагающих принципов международного права.

Международное право, являясь регулятором межгосударственных отношений, до настоящего времени не сформировало самостоятельного механизма правового регулирования межгосударственного вооруженного конфликта. Сложившаяся система международно-правовых норм в значительной степени ориентирована на регулирование отдельных элементов вооруженного конфликта, тогда как комплексное регулирование межгосударственных отношений в условиях его возникновения, ведения и прекращения остается недостаточным. В то же время отношения, возникающие в ходе вооруженного конфликта и связанные с защитой раненых, больных, военнопленных, гражданского населения, культурных ценностей и иных объектов международно-правовой охраны, получили достаточно детальное регулирование в системе международного гуманитарного права[1].

Нормы международного гуманитарного права обеспечивают прежде всего защиту физических лиц и направлены «внутрь» государств.

Однако международно-правовое регулирование отношений государств как субъектов международного права в период вооруженных конфликтов отсутствует. Необходимо международно-правовое регулирование понятия и видов вооруженного конфликта, его сторон (речь идет о межгосударственном вооруженном конфликте), включая выработку критериев признания государства стороной вооруженного конфликта, действия международных договоров в этот период.

Возникают разногласия и односторонние изменения условий международных соглашений, например при исполнении контрактов на поставку и транзит энергоресурсов.

В настоящее время понятие вооруженного конфликта и его классификация не получили универсального международно-правового закрепления [3].

[1] Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 5(18) октября 1907 г.
Гаагское положение о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г.
Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г.
Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г.
Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г.
Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г.
Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г.

Существующие подходы основываются либо на положениях национального законодательства, либо на научных разработках в области права вооруженных конфликтов и международного гуманитарного права[1] [2].

Проблема отсутствия единых критериев квалификации вооруженного конфликта получила отражение и в международно-правовой доктрине. Так, Сильван Вите, анализируя типологию вооруженных конфликтов, отмечает, что применение норм международного гуманитарного права существенно осложняется неопределенностью отдельных правовых категорий и отсутствием четких критериев их разграничения. Это создает возможность различной правовой оценки одних и тех же событий, поскольку государства нередко стремятся квалифицировать ситуацию исходя из собственных политических интересов. Существенным фактором остается и отсутствие международного органа, уполномоченного давать обязательную правовую квалификацию вооруженных конфликтов. В результате, как отмечает исследователь, государства нередко «отказываются признать, что они участвуют в вооруженном конфликте»[2].

Отсутствие общепризнанного международно-правового определения вооруженного конфликта подтверждается и деятельностью Комиссии международного права ООН. В ходе подготовки проектов статей о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров комиссия предложила рабочее определение вооруженного конфликта, предназначенное исключительно для целей рассматриваемого проекта. Под ним понимается состояние войны либо конфликт, сопровождающийся военными действиями, которые способны оказать влияние на действие международных договоров между государствами — участниками вооруженного конфликта, а также между такими государствами и третьими государствами независимо от официального объявления войны или иных форм ее признания[3].

Как отмечено в комментариях к проекту, Комиссия международного права ООН сознательно ограничила предмет своей работы и не ставила целью разработку универсального определения вооруженного конфликта, поскольку решение данного вопроса выходило за рамки рассматриваемой темы. В обоснование такого подхода приводится ссылка на резолюцию Института международного права «Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров», принятую на Хельсинкской сессии 1985 г.[4]

Приведенные выше примеры указывают, во-первых, на трудность выработки понятия «вооруженный конфликт» при правовом регулировании межгосударственных отношений и, во-вторых, на возможную фрагментацию данного понятия при правоприменении, т. е. использование различных понятий «вооруженный конфликт» при правовом регулировании различных сфер межгосударственных отношений.

[1] Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976).

[2] URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/vite.pdf (дата обращения: 05.06.2026).

[3] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/armed_conflicts_effects.pdf (дата обращения: 08.06.2026).

[4] Собрание законодательства Российской Федерации от 23.10.2006 № 23, ратифицирован Федеральным законом № 66-ФЗ от 06.06.2003.

Представляется возможным в рамках Шанхайской организации сотрудничества на основе статьи 3 Хартии ШОС[1] разработать и принять на региональном уровне декларации об основных принципах международного вооруженного конфликта в межгосударственных отношениях.

Литература

1. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений : монография. Москва : Изд-во РГУП, 2018. 628 с.

2. Право вооруженных конфликтов : учебное пособие / под редакцией О. Г. Безбабнова, В. В. Ершова. Москва : Изд-во РГУП, 2019. 186 с.

3. Сильван Вите. Типология вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве: правовые концепции и реальные ситуации. URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/vite.pdf (дата обращения: 21.05.2026).

Статья поступила в редакцию 02.07.2026; одобрена после рецензирования 05.08.2026; принята к публикации 18.09.2026.

International Legal Issues of Ensuring Security in the Eurasian Space

Vyacheslav N. Leontyev
Cand. Sci. (Law), A/Prof. at International Law Department,
Lebedev Russian State University of Justice
69 Novocheryomushkinskaya St., Moscow 117418, Russia
leon70.70@mail.ru

Abstract. The article analyzes contemporary issues in the international law arising from the crisis in the international relations system and the ongoing transformation of the world order. It examines the formation of a multipolar model of international relations and its impact on the development of international legal regulation. The study is aimed at identifying gaps in the legal regulation of relations between states during interstate armed conflicts and determining main areas for their elimination. As a result, it has been found that current international law does not sufficiently regulate issues related to the definition of the concept and types of armed conflicts, the legal status of states as their parties, the criteria for recognizing a state as a party to such a conflict, as well as the operation of international treaties during this period. The scientific novelty of the study lies in justifying the need to improve the international legal regulation of these relations, taking into account contemporary changes in the system of international relations and the development of a multipolar world order.
Keywords: international law, international legal regulation, interstate armed conflict, international security, armed conflict, armed forces, subjects of international law.

For citation
Leontyev V. N. International legal issues of ensuring security in the Eurasian space. *Bulletin of Buryat State University. Law.* 2026; 3: 11–17 (In Russ.).

The article was submitted 02.07.2026; approved after reviewing 05.08.2026; accepted for publication 18.09.2026.

[1] Собрание законодательства Российской Федерации от 23.10.2006 № 23, ратифицирован Федеральным законом № 66-ФЗ от 06.06.2003.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

Научная статья
УДК 343.14
DOI: 10.18101/2658-4409-2026-3-18-28

Особенности криминалистического анализа оснований для избрания меры пресечения или продления сроков содержания под стражей, домашнего ареста, применения залога и запрета определенных действий

© Ионкина Регина Сергеевна
аспирант,
преподаватель, советник юстиции 3-го класса,
Российский новый университет
Россия, 105005, г. Москва, ул. Радио, 22
reginasergeevna7@icloud.com

Аннотация: В настоящей работе изучены потенциал и отличительные черты применения криминалистического инструментария при разрешении вопросов, связанных с избранием мер пресечения, продлением сроков содержания под стражей, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий. Актуальность темы продиктована необходимостью укрепления доказательственной состоятельности судебных решений, ограничивающих конституционные гарантии неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве. Основная задача сводилась к определению сущности и особенностей криминалистического анализа как средства верификации фактологических данных, учитываемых при вынесении решений о мерах пресечения. В работе критически оценен шаблонный подход следователей и судей к обоснованию необходимости избрания либо дальнейшего применения таких мер. По итогам работы составлен перечень криминалистически значимых обстоятельств, учитываемых при избрании и продлении сроков каждой из перечисленных мер пресечения; выявлены системные ошибки, допускаемые при изложении описательно-мотивировочной части судебных решений о мерах пресечения; сформулированы рекомендации по улучшению качества процессуальных решений о мерах пресечения. Делается вывод, что криминалистический анализ оснований избрания мер пресечения способствует всестороннему, полному и объективному подходу к решению данных вопросов; предложены меры по совершенствованию законодательства и практики в данной сфере. При исследовании использованы формально-юридический метод, принципы системного подхода и техника генерализации материалов судебной практики.
Ключевые слова: криминалистический анализ, меры пресечения, содержание под стражей, домашний арест, залог, запрет определенных действий.

Для цитирования
Ионкина Р. С. Особенности криминалистического анализа оснований для избрания меры пресечения или продления сроков содержания под стражей, домашнего ареста, применения залога, запрета определенных действия // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2026. Вып. 3. С. 18–28.

Введение

Институт мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве занимает особое положение в системе процессуального принуждения, поскольку именно через него происходит наиболее существенное ограничение конституционных прав человека — в первую очередь права на свободу и личную неприкосновенность, закрепленного в статье 22 Конституции РФ. Заключение под стражу как самая строгая из предусмотренных законом мер, а также домашний арест, залог и запрет определенных действий могут применяться только по решению суда и лишь тогда, когда более мягкая мера объективно не может быть использована[1]. Между тем анализ правоприменительной практики, неоднократно становившийся предметом научного осмысления, свидетельствует о сохраняющейся тенденции к чрезмерно широкому использованию заключения под стражу, причем ходатайства органов предварительного расследования зачастую не содержат достаточной аргументации относительно действительной необходимости изоляции обвиняемого от общества и продолжительности испрашиваемого срока.

Степень научной разработанности рассматриваемой проблематики характеризуется наличием ряда диссертационных работ и значительного массива публикаций в юридических периодических изданиях. Так, в диссертационном исследовании В. Р. Ахметгалеева «Тактико-криминалистические особенности применения мер пресечения в процессе предварительного расследования» обосновывается необходимость внедрения криминалистического подхода к избранию мер пресечения, позволяющего рассматривать их не только в качестве средства процессуального принуждения, но и как тактический ресурс, используемый в целях повышения эффективности расследования [2, с. 21–22]. Отдельные аспекты криминалистического обеспечения процедуры выбора меры пресечения освещены в трудах В. В. Конина, Л. В. Бертовского, С. В. Бурмагина и ряда иных исследователей. Вместе с тем специальное изучение особенностей криминалистического анализа оснований, необходимых для избрания и последующего продления именно судебных мер пресечения с учетом новейших изменений нормативной базы и формирующейся судебной практики, сохраняет актуальность.

Цель исследования заключается в определении содержательных характеристик, специфических черт и прикладного значения криминалистического анализа при разрешении вопроса об избрании меры пресечения либо о продлении сроков содержания под стражей, домашнего ареста, действия залога и запрета определенных действий. Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение следующих задач: 1) раскрыть содержание понятия «криминалистический анализ» в контексте принятия процессуальных решений о мерах пресечения; 2) дать характеристику криминалистически значимым обстоятельствам, подлежащим выявлению и оценке при избрании и продлении каждой из перечисленных мер пресечения; 3) установить наиболее распространенные недочеты, допускаемые при обосновании судебных постановлений о мерах пресечения; 4) сформулировать

[1] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41: ред. от 27 мая 2025 г. // Бюллетень Верховного суда РФ. 2014. № 2.

практические предложения, направленные на совершенствование методики криминалистического анализа в исследуемой сфере.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу работы составляет совокупность общенаучных и частнонаучных познавательных методов. Формально-юридический метод использован в процессе анализа нормативных предписаний уголовно-процессуального законодательства (статьи 97, 99, 105.1, 106–109, 255 УПК РФ), регламентирующих основания, процедуру избрания и продления мер пресечения, а также при изучении разъяснений, содержащихся в постановлениях пленума Верховного суда Российской Федерации и определениях Конституционного Суда Российской Федерации, в которых излагаются правовые позиции по вопросам применения мер пресечения. Применение системного подхода позволило исследовать институт мер пресечения в его взаимосвязи с иными уголовно-процессуальными и криминалистическими институтами.

Метод обобщения материалов судебной практики применялся для обнаружения типичных недостатков, характерных для обоснования судебных решений об избрании мер пресечения и о продлении сроков их действия. В рамках работы были изучены обзоры судебной практики, подготовленные Верховным судом Российской Федерации, в частности утвержденный президиумом Верховного суда РФ 18 января 2017 г. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей[1], а также разъяснения, данные пленумом Верховного суда РФ в постановлении от 19 декабря 2013 г. № 41 (в редакции от 27 мая 2025 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»[2].

Ключевая роль в методическом оснащении данной работы отведена криминалистическому методу, именуемому также методом криминалистического анализа. Под ним подразумевается упорядоченный комплекс познавательных действий, нацеленных на раскрытие, изучение и толкование юридически значимых сведений о преступлении ради достижения целей криминалистического, процессуального и материально-правового свойства [6, с. 5–8]. В проекции на область избрания и пролонгации ограничительных мер криминалистический анализ включает следующий ряд познавательных шагов: а) выявление и взвешивание факторов, поименованных в статье 97 УПК РФ (фундамент для назначения меры пресечения), а равно обстоятельств, принимаемых во внимание при ее выборе в силу статьи 99 УПК РФ; б) констатация и проработка эмпирических данных, свидетельствующих о присутствии либо отсутствии угроз, очерченных уголовно-процессуальным правом; в) прогностическая оценка наиболее вероятных поведенческих моделей

[1] Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей: утв. президиумом Верховного суда РФ 18 января 2017 г. // Бюллетень Верховного суда РФ. 2017. № 5.

[2] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41: ред. от 27 мая 2025 г. // Бюллетень Верховного суда РФ. 2014. № 2.

заподозренного либо обвиняемого лица в условиях функционирования конкретной ограничительной меры; г) установление меры полноты и надежности доказательственного материала, предъявленного в подкрепление заявленного ходатайства.

Результаты исследования

Основания для избрания меры пресечения перечислены в статье 97 УПК РФ:

1) подозреваемый или обвиняемый может скрыться от дознания, следствия или суда;

2) продолжить преступную деятельность;

3) угрожать свидетелю или другим участникам процесса, уничтожить доказательства либо иным способом помешать расследованию.

Кроме того, согласно статье 99 УПК РФ учитывается еще целый ряд обстоятельств: тяжесть совершенного преступления, данные о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие значимые сведения.

Криминалистический анализ оснований для избрания меры пресечения сводится к изучению конкретных фактов, которые подтверждают наличие перечисленных рисков. Как верно замечает С. В. Бурмагин, для правильного и эффективного выбора меры пресечения нужно различать степень опасности (степень риска) того, что обвиняемый совершит противоправные действия [4, с. 14–16].

К криминалистически значимым обстоятельствам в этом случае относятся:

– наличие у подозреваемого или обвиняемого недвижимости, автомобилей, заграничных паспортов, родственников за рубежом — все это повышает риск того, что он скроется;

– сведения о ранее совершенных преступлениях, особенно похожих, свидетельствующих о склонности к продолжению преступной деятельности;

– данные о попытках давления на свидетелей, потерпевших, других участников дела, включая угрозы, подкуп, шантаж;

– информация о попытках уничтожить, подделать или спрятать доказательства.

Важно подчеркнуть: сам по себе факт подозрения или обвинения в тяжком или особо тяжком преступлении не может служить единственным и достаточным основанием для заключения под стражу. Пленум Верховного суда РФ разъяснил, что на начальном этапе расследования тяжесть обвинения и возможность длительного срока лишения свободы могут быть основанием для ареста. Однако в дальнейшем одних этих обстоятельств уже недостаточно для продления срока содержания под стражей[1].

Заключение под стражу — наиболее строгая мера пресечения, она лишает человека свободы, применяется только тогда, когда более мягкую меру использовать невозможно, и только по решению суда (ст. 108, 109 УПК РФ)[2]. Срок содержания под стражей при расследовании преступления не может превышать двух месяцев

[1] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 27 мая 2025 г.) // Бюллетень Верховного суда РФ. 2014. № 2.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

(ч. 1 ст. 109 УПК РФ), но при наличии исключительных обстоятельств его могут продлить до 6, 12 и даже 18 месяцев.

При проверке обоснованности ходатайства о продлении срока содержания под стражей криминалистический анализ требует изучения следующих вопросов:

1. Суд должен проверить, подтверждается ли подозрение доказательствами, которые отвечают требованиям относимости, допустимости и достоверности. Выводы суда должны опираться не на интуицию, а на конкретные факты [7].

2. Пленум Верховного суда РФ разъяснил, что необходимость продолжать следственные действия или знакомиться с материалами дела сама по себе не может быть единственным и достаточным основанием для продления ареста[1]. Следователь обязан доказать, что незавершённые следственные действия действительно необходимы, а провести их при более мягкой мере пресечения невозможно.

3. Продлевая срок содержания под стражей, суд должен убедиться, что основания, по которым мера была избрана, не отпали и не изменились настолько, что можно применить более мягкую меру.

4. Конституционный Суд РФ не раз указывал: продление срока содержания под стражей не должно быть автоматическим. Основания для продления должны устанавливаться в судебном заседании на основе доказательств, а все сомнения в обоснованности такой меры должны толковаться в пользу обвиняемого[2].

Типичная ошибка органов расследования — формально перечислить основания из статьи 97 УПК РФ, не приводя конкретных фактов, которые их подтверждают. Криминалистический анализ помогает избежать этой ошибки: он предполагает системное изучение всех материалов, имеющихся у следователя и оперативных служб, и их правильное процессуальное оформление. В связи с этим заслуживает внимания предложение В. Р. Ахметгалеева использовать институт отдельного поручения для получения криминалистически значимых сведений о личности подозреваемого и его поведении. Это помогает сформировать доказательственную базу, необходимую для обоснования выбора меры пресечения [1].

Домашний арест (ст. 107 УПК РФ) — это альтернатива заключению под стражу. Его суть заключается в том, что подозреваемый или обвиняемый находится в полной или частичной изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает на законных основаниях. При этом на него накладывают определенные ограничения и за ним осуществляют контроль.

При избрании домашнего ареста криминалистический анализ предполагает оценку следующих обстоятельств:

1. Суд должен убедиться, что жилое помещение позволяет обеспечить надлежащую изоляцию от общества и исключить неразрешенные контакты с соучастниками, свидетелями и другими лицами. Пленум Верховного суда РФ разъяснил: при избрании домашнего ареста суд обязан указать конкретное жилое

[1] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41: ред. от 27 мая 2025 г. // Бюллетень Верховного суда РФ. 2014. № 2.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2022 г. № 6-П по делу о проверке конституционности статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2022. № 9. Ст. 1352.

помещение, а если собственник жилья не согласен, избрать эту меру по данному адресу нельзя.

2. Согласно приказу Минюста, МВД, Следственного комитета и ФСБ России от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371 контроль за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения домашнего ареста ведётся с использованием электронных средств контроля[1]. Готовя ходатайство, следователь должен оценить, можно ли применить такие средства.

3. В решении об избрании домашнего ареста суд должен определить виды и пределы налагаемых на лицо ограничений и запретов. Криминалистический анализ позволяет обоснованно решить, какие именно ограничения нужны в конкретной следственной ситуации (например, запрет на связь, общение с определенными людьми, отправку и получение почты и т. д.).

Срок домашнего ареста устанавливается до двух месяцев и может продлеваться судом в порядке, предусмотренном статьей 109 УПК РФ. При этом общий срок домашнего ареста и содержания под стражей не должен превышать предельный срок содержания под стражей. Конституционный Суд РФ указал, что нормы УПК РФ не допускают произвольного и бесконтрольного продления срока домашнего ареста на стадии судебного разбирательства[2]. Продлевая срок домашнего ареста, суд обязан исследовать доказательства, подтверждающие необходимость сохранить эту меру.

Залог (ст. 106 УПК РФ) — это имущественная мера пресечения. Она заключается во внесении денег или иного имущества на депозит суда, чтобы обеспечить явку подозреваемого или обвиняемого, его надлежащее поведение и предупредить совершение новых преступлений. В литературе справедливо отмечают, что залог — это своего рода компромисс между интересами государства и правами личности, но в России он применяется крайне редко: менее 0,2% решений о мерах пресечения [6].

Криминалистический анализ при избрании залога предполагает следующее:

1. Вид и размер залога определяет суд с учетом характера и тяжести преступления, данных о личности подозреваемого или обвиняемого, его имущественного положения. Залог нельзя назначать в размере, который для человека заведомо непосильный, иначе он потеряет свой смысл.

2. Следователь обязан проверить, что имущество, вносимое в залог, не получено преступным путем, не находится под арестом и не является предметом спора или судебного разбирательства.

3. Поскольку залог может внести не только сам подозреваемый или обвиняемый, но и другое лицо, нужно оценить, способен ли залогодатель контролировать

[1] Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог : приказ Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ и ФСБ России от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371 // Российская газета. 2020. 14 сент.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2022 г. № 6-П по делу о проверке конституционности статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2022. № 9. Ст. 1352.

поведение обвиняемого и заинтересован ли он в том, чтобы обязательства выполнялись.

Продление срока залога происходит в том же порядке, что и его избрание. При продлении суд должен оценить, не изменились ли обстоятельства, которые послужили основанием для залога, и не требуется ли теперь более строгая или, наоборот, более мягкая мера пресечения. Пленум Верховного суда РФ разъяснил, что залогодатель вправе в разумный срок восстановить предмет залога или заменить его другим равноценным имуществом, если заложенное имущество уничтожено, повреждено или право собственности на него прекратилось.

Запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) — это относительно новая мера пресечения. Ее ввели Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ, рассчитывая, что она станет действенной альтернативой заключению под стражу[1]. Однако, как показывают исследования, на практике возложенные на нее надежды оправдались не в полной мере [6; 9].

Криминалистический анализ при избрании запрета определенных действий включает следующее:

1. Часть 6 статьи 105.1 УПК РФ перечисляет возможные запреты: а) выходить в определенное время из жилого помещения; б) находиться в определенных местах или ближе установленного расстояния к определенным объектам; в) посещать определенные мероприятия и участвовать в них; г) общаться с определенными лицами; д) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; е) пользоваться средствами связи и интернетом; ж) управлять транспортным средством. Криминалистический анализ позволяет обоснованно решить, какие из этих запретов действительно нужны в конкретной ситуации, чтобы предотвратить риски, указанные в статье 97 УПК РФ.

2. Контроль за соблюдением запретов ведется в порядке, установленном приказом Минюста, МВД, Следственного комитета и ФСБ России от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371[2]. Готовя ходатайство, следователь должен оценить, можно ли обеспечить эффективный контроль за соблюдением запретов с учетом имеющихся технических и организационных возможностей.

3. Запреты не должны быть чрезмерными и превращать эту меру в фактический домашний арест или даже содержание под стражей. При избрании запрета определённых действий суд должен исходить из принципа соразмерности: ограничения прав и свобод личности должны соответствовать тем целям, ради которых мера применяется.

Продление срока запрета определенных действий возможно в порядке, аналогичном продлению срока содержания под стражей (ч. 3 ст. 105.1 УПК РФ отсылает

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 17. Ст. 2423.

[2] Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог : приказ Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ и ФСБ России от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371// Российская газета. 2020. 14 сент.

к ст. 109 УПК РФ). При этом общий срок запрета определённых действий, как и в случае с домашним арестом, не должен превышать предельные сроки содержания под стражей, установленные статьёй 109 УПК РФ.

Обсуждение результатов исследования

Проведенная работа дает основания сделать несколько выводов и предложений, важных как для теории, так и для практики.

Во-первых, следует признать, что криминалистический анализ оснований для избрания и продления мер пресечения — это самостоятельное направление криминалистической работы, имеющее свое содержание и свои методы. В отличие от анализа самого преступления, при котором изучается событие в целом, здесь внимание сосредоточено на личности подозреваемого или обвиняемого, на том, как он ведет себя после совершения деяния, какие у него есть связи и возможности скрыться, продолжить преступную деятельность или помешать расследованию.

Во-вторых, исследование показало, что в правоприменительной практике есть системные проблемы при обосновании необходимости избрания и продления мер пресечения. Среди самых частых недостатков можно назвать формальное перечисление оснований из статьи 97 УПК РФ без ссылок на конкретные факты; отсутствие разбора того, можно ли применить более мягкую меру; продление ареста без убедительных доводов о том, почему расследование не удалось завершить вовремя; слабая индивидуализация запретов при домашнем аресте и запрете определенных действий.

В-третьих, наши выводы согласуются с позициями других авторов. Например, В. В. Конин говорит о необходимости привести российские нормы о мерах пресечения в соответствие со стандартами Европейского Суда по правам человека. Согласно этим стандартам содержание под стражей должно быть исключительной мерой, применяемой только при «обоснованном подозрении» и наличии «относимых и достаточных» оснований. А. М. Багмет и Н. В. Османова обращают внимание на проблему реабилитации лиц, незаконно лишенных свободы, что обусловливает важность повышения качества криминалистического анализа при выборе мер пресечения [5].

В-четвертых, на наш взгляд, необходимо внести ряд изменений в уголовно-процессуальное законодательство и улучшить правоприменительную практику:

1. Дополнить статьи 108 и 109 УПК РФ требованием прилагать к ходатайству о заключении под стражу или о продлении срока мотивированное заключение. В нем на основе анализа доказательств должно обосновываться, почему нельзя применить более мягкую меру и почему необходимо сохранить или продлить содержание под стражей.

2. Внести изменения в статью 105.1 УПК РФ, установив предельные сроки для запрета определенных действий, не превышающие сроки содержания под стражей по статье 109 УПК РФ. Кроме того, обязать суд при каждом продлении этого запрета проверять, сохраняется ли необходимость в каждом из наложенных ограничений.

3. Рекомендовать судам при рассмотрении ходатайств об избрании и продлении мер пресечения шире использовать возможности криминалистического

анализа. В частности, назначать экспертизы, связанные с изучением личности обвиняемого, например психолого-психиатрическую экспертизу для оценки уровня агрессивности и прогноза поведения.

4. Разработать и внедрить в работу органов предварительного расследования методические рекомендации по криминалистическому анализу оснований для избрания и продления мер пресечения. В них следует включить перечень обстоятельств, которые нужно устанавливать, описание типовых следственных ситуаций и алгоритмы действий следователя в каждой из них.

Заключение

Криминалистическое исследование оснований для назначения меры пресечения либо пролонгации временных границ содержания под стражей, домашнего ареста, действия залогового механизма и режима запрета на конкретные поступки образует собой выстроенную совокупность познавательных акций, нацеленных на констатацию и градирование факторов, удостоверяющих присутствие либо отсутствие опасностей, очерченных в ст. 97 УПК РФ, а равно иных параметров, принимаемых во внимание при выборе ограничительного средства согласно предписаниям ст. 99 УПК РФ.

Своеобразие криминалистического подхода в этой сфере определяется, во-первых, выявляемыми обстоятельствами (вероятность уклонения от следствия и суда, возобновления противоправной деятельности, воспрепятствования расследованию); во-вторых, обязательностью построения прогноза относительно поведенческих реакций подозреваемого (обвиняемого) при введении того или иного превентивного режима; в-третьих, повышенной весомостью данных, характеризующих саму персону фигуранта — его коммуникативные связи, материальную состоятельность, состояние здоровья и прочие данные о личности.

Проведенное исследование продемонстрировало, что задействование криминалистического инструментария дает возможность значимо нарастить добротность фактологического массива, предъявляемого в суд для подкрепления запроса об избрании или пролонгации стеснительной меры, а следовательно, и взвешенность, и правовую безупречность выносимых вердиктов. Имплементация выработанных криминалистических наставлений в повседневную работу следственных подразделений и судейского корпуса окажет содействие более результативной охране прав и легитимных интересов субъектов уголовного процесса, а также упрочению престижа судебной власти.

Литература

1. Ахметгалеев В. Р. Институт поручения как одна из форм получения сведений, имеющих значение при выборе криминалистически эффективной меры пресечения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Экономика и право. 2024. № 2. С. 107–115. DOI: 10.37882/2223-2974.2024.02.01. EDN: HIJKLM.

2. Ахметгалеев В. Р. Тактико-криминалистические особенности применения мер пресечения в процессе предварительного расследования : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2025. 280 с.

3. Бертовский Л. В. Новая система альтернативных заключению под стражу мер пресечения: первые результаты применения, перспективы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2020. Т. 24, № 4. С. 987–1005. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-987-1005.

4. Бурмагин С. В. Как обосновать переход на альтернативную меру пресечения, когда следователь ходатайствует о заключении под стражу // Уголовный процесс. 2018. № 12. С. 42–49.

5. Конин В. В. Избрание и продление срока содержания под стражей в российском уголовном судопроизводстве и стандарты Европейского суда // Адвокат. 2010. № 12. С. 23–29.

6. Ксендзов Ю. Ю. Меры пресечения в виде запрета определенных действий, залога, домашнего ареста: вопросы их соотношения и практики применения // Право и политика. 2020. № 8. С. 67–84. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.8.33533.

7. Линёва Е. С. Процессуальные сроки содержания обвиняемого под домашним арестом // Современное право. 2023. № 5. С. 112–118.

8. Судницын А. Б. Вероятность обстоятельств, являющихся основанием для избрания и применения мер пресечения // Российский следователь. 2022. № 4. С. 28–33.

9. Фоминых С. А. Анализ судебной практики рассмотрения материалов о продлении срока содержания под стражей, домашнего ареста и запрета определенных действий // Судья. 2023. № 6. С. 34–41.

10. Чернова Н. В. Основания избрания мер пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 3. С. 56–64.

Статья поступила в редакцию 07.07.2026; одобрена после рецензирования 09.08.2026; принята к публикации 18.09.2026.

Forensic Aspects of Analyzing the Grounds for Choosing a Preventive Measure or Extending the Terms of Detention, House Arrest, Bail, and Prohibition of Certain Actions

Regina S. Ionkina
Research Assistant at Department of Criminal Law,
Lecturer, 3rd Class Legal Adviser,
Russian New University
22 Radio St., Moscow 105005, Russia
reginasergeevna7@icloud.com

Abstract. The article aims to study the capabilities and features of utilizing forensic tools when resolving issues associated with imposing measures of procedural coercion or extending the terms of detention, house arrest, bail, and prohibition of certain actions. The relevance of the topic is driven by the demand to strengthen the evidentiary validity of judicial decisions that restrict constitutional guarantees of personal liberty within criminal proceedings. The primary objective is to define the essence and features of forensic analysis as a means of verifying factual data when rendering decisions on restrictive measures. We critically evaluate the manifestations of a routine, non-creative approach by judges and investigative

units toward justifying the need to select or extend such measures. The methodological framework comprises the formal-legal method, principles of a systematic approach, and the technique of generalizing judicial practice materials. The article presents a list of forensically significant circumstances regarding each of the restrictive measures under consideration, provides a diagnosis of recurring flaws in the reasoning section of judicial acts, and formulates recommendations for optimizing law enforcement routines. It is concluded that forensic diagnostics contributes to a fundamental increase in the quality of the evidence base submitted to judicial authorities, as well as to the balanced final verdicts. We also have outlined specific vectors for refining the regulatory framework and practical activities in this area.
Keywords: forensic analysis, preventive measures, detention, house arrest, bail, prohibition of certain actions.

For citation
Ionkina R. S. Forensic aspects of analyzing the grounds for choosing a preventive measure or extending the terms of detention, house arrest, bail, and prohibition of certain actions. *Bulletin of Buryat State University. Law.* 2026; 3: 18–28 (In Russ.).

The article was submitted 07.07.2026; approved after reviewing 09.08.2026; accepted for publication 18.09.2026.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Научная статья
УДК 343.14
DOI: 10.18101/2658-4409-2026-3-29-34

Цифровые технологии в доказывании по уголовным делам с использованием специальных знаний

© Ватутина Оксана Юрьевна
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9;

адвокат, Санкт-Петербургская коллегия адвокатов «АЛИБИ»,
Адвокатская палата Ленинградской области,
Россия, 199106, г. Санкт-Петербург, 22-я линия Васильевского острова, 7
avalkg3@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье автор исследует проблемы взаимосвязи использования цифровых технологий, цифровых доказательств и специальных знаний в доказывании по уголовным делам, в том числе в деятельности адвоката-защитника. Автором отмечается значимость и необходимость использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, которые признаются и определяются на государственном уровне. Вместе с тем формулируется тезис о необходимости критического отношения к неконтролируемому использованию цифровых технологий во всех сферах жизни и нормативного регулирования порядка и способа «цифрового доказывания» по уголовным делам. Представлены возможности использования цифровых технологий в уголовно-процессуальном доказывании.
Ключевые слова: доказывание, специальные знания, цифровые технологии, оценка доказательств.

Для цитирования
Ватутина О. Ю. Цифровые технологии в доказывании по уголовным делам с использованием специальных знаний // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2026. Вып. 3. С. 29–34.

«Сердцевиной уголовного процесса» [12, с. 702], «деятельностью, которая осуществляется на всем его протяжении» [9, с. 12] является доказывание по уголовному делу. Понятие уголовно-процессуального доказывания закон определяет как процедуру «установления наличия или отсутствия определенных обстоятельств, осуществляемую посредством ряда действий субъектов и участников уголовно-процессуального доказывания направленных на собирание, проверку и оценку доказательств» [11, с. 221–226] в целях обоснования выводов по уголовному делу.

Доказывание в процессуальном смысле — это «деятельность по работе с доказательствами, направленная на их получение, подтверждение, удостоверение, форма обоснования сложившегося убеждения при помощи аргументов, доводов,

фактов» [2, с. 27]. Доказательства, в свою очередь, наука определяет как «единство сведений, имеющих значение для уголовного дела, и их уголовно-процессуального источника» [10, с. 23].

Вместе с тем повсеместное внедрение и развитие цифровых технологий приводят в том числе к появлению совершенно новых, ранее не известных способов совершения преступлений. Подобное естественным образом отражается на средствах и способах выявления, расследования и раскрытия преступлений. В условиях уголовного процесса возникает необходимость использовать не просто аналогичные по уровню, но и опережающие преступность технологии, что, безусловно, относится и к цифровым технологиям, несмотря на то, что, как отмечается в науке уголовного процесса, «электронное» доказывание все еще находится «в стадии осмысления и теоретического обоснования» [6, с. 39].

В настоящее время перед уголовным судопроизводством встала задача обеспечить собирание (в том числе электронных) доказательств, а также их проверку как «классическими» способами, так и посредством применения цифровых технологий.

Значимость такого подхода подтверждают утвержденная указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 2035 «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», в соответствии с положениями которой «обеспечение национальных интересов при развитии информационного общества осуществляется путем формирования информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества, развития информационной и коммуникационной инфраструктуры Российской Федерации»[1], указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») и утвержденная указом Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 1456 «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации».

Итак, цифровые технологии и инновации находятся под пристальным вниманием государства и законодателя, внедряются и реализуются повсеместно, во всех областях жизнедеятельности, в том числе в сфере уголовного судопроизводства.

Таким образом, полагаем возможным отметить следующие значимые этапы развития уголовно-процессуального доказывания с использованием цифровых технологий:

– введение в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации положений о порядке и возможности использования цифровых документов (ст. 474.1 УПК РФ);

– появление нормы (ст. 189.1 УПК РФ) о проведении допроса, очной ставки, опознания посредством видео-конференц-связи (Федеральный закон от 30.12.2021 г. № 501-ФЗ);

– внесение ст. 241.1 УПК РФ о порядке участия в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи (Федеральный закон от 29.12.2026 г. № 601-ФЗ);

[1] Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 2035. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/.

– дополнение ст. 222 УПК РФ пунктом 3.1 о возможности вручения копии обвинительного заключения в форме электронного документа (Федеральный закон от 25.12.2023 г. № 672-ФЗ).

Нормативное урегулирование совместного использования «классических» и новых (цифровых) уголовно-процессуальных инструментов позволяет обеспечить надлежащий контроль за преступностью, реализовать эффективность процессуальной деятельности, обеспечить реальную процессуальную экономию при расследовании и рассмотрении уголовных дел, обеспечить права и законные интересы участников уголовного судопроизводства.

Если говорить более предметно, можно выделить следующие основные направления применения (использования) цифровых технологий в доказывании по уголовным делам:

1. Сбор доказательств в том числе путем изъятия и копирования информации.
2. Исследование доказательств в том числе путем проведения экспертиз.

Вышесказанное со всей очевидностью позволяет отметить необходимость участия лиц, обладающих специальными знаниями и применения специальных знаний при обращении с цифровыми доказательствами и цифровыми технологиями в доказывании по уголовным делам. Поскольку объективность и всесторонность доказывания по уголовному делу являются ключевым требованием закона, возможность использования цифровых доказательств и технологий в доказывании (в том числе для представления и исследования цифровых доказательств) стороной защиты приобретает существенное значение.

В связи с вышеизложенным любопытным представляется предложение М. Б. Набатова о «внедрении концепции электронного уголовного дела (ЭУД) для реализации возможности «безбарьерного предоставления защитником сведений в материалы уголовного дела напрямую» [7]. Как утверждает автор, «ЭУД должно быть построено по сетевому принципу портала — платформы с возможностью для работы на ней всех участников уголовного судопроизводства в соответствии с их полномочиями и процессуальной функцией, а адвокату предоставляется возможность подавать сведения в ЭУД непосредственно, с использованием модуля «Защитник» без существующего сегодня обязательного удовлетворения ходатайства о приобщении со стороны лица, осуществляющего производство по уголовному делу, по аналогии с механизмом, реализуемым в Республике Казахстан с 2017 г.» [7].

На наш взгляд предложение, высказанное М. Б. Набатовым, отражает процессуальные ситуации, при которых приобщение стороной защиты любых, в том числе электронных, материалов и доказательств в уголовное дело осуществляется «усмотрением» следователя, дознавателя или суда, при декларированной возможности стороны защиты на представление любых электронных доказательств.

Нередко возникает ситуация, когда сведения и документы, полученные от стороны защиты, оцениваются в качестве не относимых или представленных «заинтересованной стороной». Также такие сведения могут быть восприняты как фальсифицированные, то есть содержащие заведомо ложную информацию. Итогом становится отказ в их приобщении. «Не исключает «подозрения о ложности представленных материалов» даже ситуация, когда представляемые подозреваемым

(обвиняемым) и/или защитником передаются лицу, осуществляющему производство по делу посредством электронной цифровой связи (официальный адрес электронной почты, мессенджеры, привязанные к личному телефонному номеру), а запись на носитель осуществляется уже самим лицом, осуществляющим производство по делу» [3].

Итак, при использовании цифровых доказательств и технологий в уголовном судопроизводстве возможности и права сторон вступают в диссонанс. В том числе потому, что вероятность фальсификации электронных доказательств не исключена также теми лицами, которые осуществляют производство по уголовному делу. Например, в научной литературе можно встретить позицию о том, что для любой из сторон «возможность иметь доступ к цифровой информации всегда будет вызывать сомнения в достоверности и быть лишним поводом к ее дополнительной проверке» [8, с. 235].

Соответственно формальный подход к решению вопроса о возможности приобщения (и допустимости) представленных стороной защиты цифровых доказательств не допустим. В обязательном порядке необходима проверка цифрового доказательства и «при наличии сомнений в подлинности видеоматериала [представленного стороной защиты] для обоснованного вынесения постановления о приобщении его в качестве доказательства необходимо наличие объективных данных, указывающих на подлинность видеоматериала, что возможно только на основе результатов экспертного исследования...» [4, с. 33] или при участии специалиста.

Именно использование специальных знаний при обращении с цифровыми доказательствами в уголовном судопроизводстве посредством участия эксперта и/или специалиста позволит реализовать использование цифровых доказательств надлежащим образом.

Вместе с тем, «несмотря на очевидные плюсы использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, а также тенденции, поддерживаемые государством, информационная составляющая не должна превалировать над формой уголовного процесса» [5, с. 39]. Так, современный общеизвестный довод о том, что для того чтобы эффективно использовать возможности, предоставленные искусственным интеллектом, необходимо обладать «естественным» интеллектом, подтверждается классическим тезисом профессора Р. С. Белкина о соотношении деятельности человека и ЭВМ, в котором он отмечает, что «машина... не может быть в социальном плане равна человеку, не может заменить его в общественных отношениях... ЭВМ действительно умножает возможности, способности и умения человека... (иногда превосходя его), но... действия машин всегда включаются в определенные процессы человеческой деятельности, вне которых они бесцельны и лишены смысла» [1, с. 304].

Литература

1. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. Москва : Юр. лит., 1988. 304 с.

2. Ватутина О. Ю. Заключение и показания специалиста и их использование защитником в доказывании по уголовным делам : диссертация на соискани ученой степени кандидата юридических наук. Санкт-Петербург, 2025.

3. Ватутина О. Ю. Специальные знания и цифровые технологии: новые возможности стороны защиты // Регулирование правоотношений в условиях цифровизации в период пандемии: современное состояние и перспективы развития : сборник статей. Казань : Отечество, 2021. С. 280–285.

4. Галинская А. Е. Особенности использования специальных знаний в деятельности сторон и их представителей по делам о правонарушениях в сфере информационных технологий // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12, № 1. С. 33.

5. Головко Л. В. Можно приветствовать наших судей, которые не хотят упрощения правосудия // Уголовный процесс. 2017. № 1. С. 39.

6. Григорьев В. Н. Результаты смены парадигмы в исследованиях уголовного процесса // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2017. №. 2. С. 38–46.

7. Набатов М. Б. Реализация права на защиту в уголовном процессе в условиях применения цифровых технологий. Москва, 2024.

8. Пастухов П. С., Лосавио М. Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2017. № 36. С. 235.

9. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. Москва : Госюриздат, 1961. С. 41.

10. Рыжаков А. П. Уголовно-процессуальное доказывание и основные следственные действия. Москва : Дело и Сервис, 2012. С. 23.

11. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Москва, 1968. С. 40–50.

12. Эйсман А. А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. Москва : Юр. лит., 1967. С. 91.

Статья поступила в редакцию 05.07.2026; одобрена после рецензирования 10.08.2026; принята к публикации 18.09.2026.

Digital Technologies for Evidence in Criminal Cases Involving Specialized Knowledge

Oksana Yu. Vatutina
Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer
at Department of Criminal Procedure and Forensic Science,
Saint Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya naberezhnaya, Saint Petersburg 199034, Russia;
Attorney, “ALIBI” Bar Association of Saint Petersburg,
Chamber of Attorneys of Leningrad Oblast
7 22nd Line of Vasilyevsky Ostrov, Saint Petersburg 199106, Russia
avalkg3@gmail.com

Abstract. The article analyzes the interplay between the use of digital technologies, digital evidence, and specialized knowledge in criminal proceedings, including in the work of defense attorneys. We have emphasized the importance and necessity of utilizing digital

technologies in criminal proceedings as recognized and defined at the state level. At the same time, we argue for a critical approach to the uncontrolled application of digital technologies in all spheres of life and stress the need for regulatory frameworks governing the procedure and methods of «digital evidence» in criminal cases. The article also presents the possibilities of using digital technologies in criminal procedural proving.
Keywords: evidence, specialized knowledge, digital technologies, evidence assessment.

For citation
Vatutina O. Yu. Digital technologies for evidence in criminal cases involving specialized knowledge. *Bulletin of Buryat State University. Law.* 2026; 3: 29–34 (In Russ.).

The article was submitted 05.07.2026; approved after reviewing 10.08.2026; accepted for publication 18.09.2026.

Научная статья
УДК 343.13:364.27-056.26
DOI: 10.18101/2658-4409-2026-3-35-40

Проблемы надлежащего участия в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями здоровья

© Курбатова Светлана Михайловна
доктор юридических наук, доцент,
Сибирский федеральный университет,
Россия, 660075, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6;

Красноярский государственный аграрный университет,
Россия, 660049, г. Красноярск, проспект Мира, 90;

Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого
Россия, 660017, г. Красноярск, ул. Ленина, 117
ksm-2024@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются основные системные проблемы реализации прав участников уголовного судопроизводства, имеющих ограниченные возможности здоровья. Исследованы пробелы и проблемы уголовно-процессуального законодательства в данном вопросе, включая отсутствие легальных дефиниций и использование устаревшей терминологии, имеющей дискриминационный контекст. Рассмотрена коллизия между медико-биологическим статусом лица и его фактической уголовно-процессуальной дееспособностью. Отмечено, что наличие медицинского диагноза не должно автоматически определять правовой статус участника уголовного процесса; основным критерием должна выступать способность лица осознавать характер производимых действий и реализовывать свои права. Выявлены основные барьеры доступа к правосудию, создающие риски ограничения прав участников уголовного судопроизводства из числа лиц с ограниченными возможностями здоровья, а также нарушения принципов уголовного процесса.
Ключевые слова: уголовное судопроизводство, участники уголовного судопроизводства, ограниченные возможности здоровья, инвалидность, уязвимые категории населения, процессуальная дееспособность, доступность правосудия, принципы уголовного судопроизводства, компенсаторный подход.

Для цитирования
Курбатова С. М. Проблемы надлежащего участия в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова. Юриспруденция. 2026. Вып. 3. С. 35–40.

Проблемы со здоровьем у людей могут быть разного характера, интенсивности и продолжительности. В целом можно говорить о физических и психических проблемах. При этом, проявляясь у разных лиц по-разному, они могут оказывать негативное воздействие на их способности самостоятельно в полной мере участвовать в правоотношениях или не оказывать такого воздействия. Первая ситуация ставит под угрозу механизм реализации прав и обязанностей участников правовых отношений, имеющих проблемы со здоровьем. Особенно это актуально для сферы

уголовного судопроизводства, так как она сама по себе уже накладывает отпечаток страха, нервозности, психологического воздействия на лиц, вовлекаемых в нее. Тем более если у участника уголовно-процессуальных действий имеются физические нарушения здоровья, что может создавать ему трудности с доступом в здания полиции, суда и других государственных органов и учреждений; с осуществлением его доставления и конвоирования; с ознакомлением с томами уголовного дела и др. Сенсорные нарушения (глухота, слепота) создают проблемы восприятия вербальной и визуальной информации. Психические и когнитивные нарушения (ментальные особенности) влекут риски непонимания лицом сущности следственных и иных действий, что в принципе характерно для большинства лиц в целом, попадающих в сферу уголовного судопроизводства. Вышесказанное обусловливает важность правового просвещения в вопросах уголовного судопроизводства, а также уделения внимания вопросам правового просвещения данных лиц [2, 3]) при участии их в следственных действиях и возникновении правовых последствий. Последнее, например, в определенной степени характерно для лиц старшего возраста, в частности, при получении от них показаний [1].

Отсутствие легальной дефиниции понятия «ограниченные возможности здоровья» в Уголовно-процессуальном кодексе РФ является пробелом в законодательстве, так как тем самым разрывается связь между медико-биологическим статусом физического лица как человека и его юридической правосубъектностью как участника правоотношений. При этом следует отметить, что российское законодательство использует два разных термина для описания состояния здоровья, если рассматривать его в социально-правовом аспекте [4, с. 74]:

– «инвалид» (и инвалидность), дающий социально-правовой статус, присваиваемый бюро медико-социальной экспертизы (МСЭ), подтверждаемый справкой единого образца и влекущий за собой право на социальные льготы, пенсии и технические средства реабилитации (основной нормативный правовой акт — федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»);

– «лицо с ограниченными возможностями здоровья» (ОВЗ), что применяется в образовательном законодательстве и медицине (основной нормативный акт — федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании»), под которыми понимается наличие у лица стойких нарушений функций организма, препятствующих освоению им образовательных программ или самообслуживанию без создания специальных условий.

При этом в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) нет ни того, ни другого термина, однако присутствует формулировка «физические или психические недостатки» (ст. 51, 196 УПК РФ), в которой содержится дискриминационный контекст [8, с. 86]. В результате остается неясным статус лиц, имеющих реальные коммуникативные барьеры (например, незрячих или слабослышащих людей без официального статуса), но не обладающих медицинскими справками, подтверждающими их. Однако и наличие медицинских документов, подтверждающих у участника уголовного судопроизводства проблемы со здоровьем, не наделяет тем самым данное лицо специальным процессуальным статусом и не обеспечивает предоставление дополнительных гарантий [5; 9]. Так, если

в гражданском праве существует правовая категория дееспособности и недееспособности или ограниченной дееспособности и в последних случаях лицу предоставляются дополнительные меры поддержки, в частности, назначается законный представитель (опекун или попечитель), то в уголовном судопроизводстве этого нет. Наличие инвалидности даже первой группы не делает участника производства по уголовному делу автоматически процессуально недееспособным. Имеет значение способность лица к самостоятельному осуществлению прав, если оно может подавать ходатайства, жалобы, реализовывать свою защиту, но нуждается в помощи (шрифт Брайля, сурдопереводчик). Именно данная категория является лицами с ОВЗ. Эти ограниченные возможности здоровья, влияющие на способность надлежащего участия в процессуальных действиях, могут быть компенсированы предоставлением определенных средств технического (лупа, большой экран, слуховой аппарат, машина для проезда к месту назначения и т. д.) или процессуального (привлечение законного представителя или психолога, сокращенная продолжительность участия в следственных и иных действиях и т. д.) характера. Однако другое дело состояние, при котором лицо в силу тяжелого психического расстройства не способно понимать характер и значение происходящего или руководить своими действиями. Вопрос должен ставиться о степени выраженности этого состояния и влиянии его на когнитивные функции, обусловливающие способность участия в процессуальном действии [6; 11].

Подобные ситуации влекут за собой нарушения прав участников уголовного судопроизводства, принципов правосудия, порождают системные ошибки правоприменения. Так, решение о признании лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, нуждающимся в переводчике или защитнике (п. 3 ч. 1 ст. 51 УПК РФ), зачастую принимается произвольно, когда речь идет о лицах с проблемами со здоровьем. Если человек с ДЦП внятно говорит, то следователь может отказать в привлечении адвоката за счет государства, ошибочно полагая, что «физических недостатков» нет. Имеет место игнорирование динамического характера состояний. Болезнь и та же инвалидность со временем могут прогрессировать (например, деменция) или регрессировать (после реабилитации). УПК РФ не содержит механизма переоценки способности лица участвовать в производстве по уголовному делу.

По уголовным делам с участием лиц с ОВЗ страдает реализация принципа доступности правосудия, который представляет собой не просто физическую возможность войти в здание суда, но также являет собой комплексную гарантию способности лица понимать происходящее и оказывать реальное влияние на ход производства по уголовному делу [7, с. 185]. Как следствие нарушаются и иные принципы, например, непосредственности и устности судебного разбирательств, когда, например, свидетель-колясочник не может физически подняться в зал судебного заседания на третьем этаже без лифта, суд вынужден оглашать его показания, данные на предварительном следствии (ч. 2 ст. 281 УПК РФ). Это лишает сторону защиты возможности допроса такого свидетеля, что является нарушением ч. 3 ст. 123 Конституции РФ о состязательности и равноправии сторон [12, с. 317–318]. Также имеются нарушения принципа состязательности, когда серьезные проблемы со здоровьем имеются у подозреваемого, обвиняемого. Без законодательного

закрепления статуса ОВЗ у защиты нет правовых оснований требовать привлечения соответствующих специалистов-консультантов, особого режима производства следственных действий и пр. [10, с. 187–188]. Более того, в контексте уголовного судопроизводства принцип доступа к правосудию трансформируется из частного интереса индивида в публичный интерес государства: если жертва преступления (потерпевший) или подозреваемый не может в полной мере самостоятельно участвовать в процессе из-за своих особенностей, цель и назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) не достигаются.

Можно выделять и иные проблемы, касающиеся лиц с ОВЗ как участников уголовного судопроизводства, в том числе в большей степени характерные для конкретных его стадий. Учитывая то, что количество таких граждан в России исчисляется миллионами, представляется закономерным и необходимым совершенствование норм УПК РФ в вопросах, касающихся обеспечения надлежащего участия в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Литература

1. Бертовский Л. В. Особенности допроса лиц старших возрастных групп // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2020. Т. 24, № 4. С. 1100–1121.

2. Бертовский Л. В., Курбатова С. М. Правовое просвещение пожилых и лиц старшего возраста по вопросам уголовного судопроизводства // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2020. № 3. С. 8–15.

3. Гармаев Ю. П. Правовое просвещение в криминалистике // Криминалистические чтения на Байкале-2015 : материалы международной научно-практической конференции. Иркутск : Изд-во РГУП, 2015. С. 45–50.

4. Живлова О. В. Здоровье человека как социально-правовая категория и правовые основы медицинских отношений // Аграрное и земельное право. 2015. № 11(131). С. 74–79.

5. Курбатова С. М. Когнитивный подход в наделении специальным правовым статусом участников уголовного судопроизводства из числа лиц с физическими и психическими ограничениями, влияющими на когнитивные функции // Современные закономерности и тенденции развития наук криминального цикла : материалы международной научной конференции (Красноярск, 5 декабря 2019 г.) / ответственные за выпуск В. Л. Бонп, Е. А. Ерахтина. Красноярск : Изд-во Красноярск. ГАУ, 2020. С. 226–230.

6. Курбатова С. М. Уголовно-процессуальная дееспособность: юридические и фактические аспекты проявления когнитивных особенностей личности // Право и законность: вопросы теории и практики : сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции (Абакан, 12–13 апреля 2019 г.). Абакан : Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2019. С. 28–29.

7. Пластинина Е. В. Правовые аспекты понятия «доступ к правосудию» // Марийский юридический вестник. 2013. № 10. С. 184–189.

8. Сефикурбанов К. С., Оганесян А. Х. О понятии физических и (или) психических недостатков в уголовном судопроизводстве // Вестник Дагестанского

государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2017. Т. 32, № 2. С. 83–88.

9. Смыслова В. Н. Дискуссионные вопросы наделения специальным правовым статусом участников уголовного судопроизводства из числа лиц с физическими и (или) психическими недостатками // Право и государство: теория и практика. 2021. № 5(197). С. 190–193.

10. Смыслова В. Н. Участие психолога в производстве следственных действий с лицами, имеющими физические и (или) психические недостатки: постановка проблемы // Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства : материалы круглого стола (Москва, 19 декабря 2017 г.) / ответственный редактор В. В. Ершов. Москва : Изд-во РГУП, 2018. С. 187–196.

11. Татьянина Л. Г. Уголовно-процессуальная дееспособность в структуре личности участника уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. 2005. № 6. С. 124–130.

12. Цыкунова И. Н. О праве людей с инвалидностью на доступ к правосудию по уголовным делам // Актуальные вопросы обеспечения прав людей с инвалидностью : сборник материалов (Гомель, 1 марта 2019 г.). Гомель : Изд-во Гомел. гос. ун-та им. Франциска Скорины, 2019. С. 317–321.

Статья поступила в редакцию 10.07.2026; одобрена после рецензирования 17.08.2026; принята к публикации 18.09.2026.

Issues of Proper Participation of Persons with Disabilities in Criminal Proceedings

Svetlana M. Kurbatova
Dr. Sci. (Law), A/Prof.,
Siberian Federal University
6 Maerchaka St., Krasnoyarsk, 660075, Russia;
Krasnoyarsk State Agrarian University
90 Mira Prospect, Krasnoyarsk 660049, Russia;
Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University
117 Lenina St., Krasnoyarsk 660017, Russia
ksm-2024@mail.ru

Abstract. The article studies the main systemic issues in implementing the rights of persons with disabilities in criminal proceedings. It examines the gaps and flaws in criminal procedure legislation regarding this matter, including the lack of legal definitions and the use of outdated terminology with a discriminatory context. We analyze the conflict between a person's medical and biological status and his actual criminal procedural capacity. It is noted that a medical diagnosis should not automatically determine the legal status of a participant in criminal proceedings; the primary criterion should be the individual's ability to comprehend the nature of the actions being performed and to exercise his rights. The study identifies key barriers to access to justice that pose risks of restricting the rights of participants with disabilities and violate the core principles of criminal procedure.

Keywords: criminal proceedings, participants in criminal proceedings, health impairments, disability, vulnerable categories of the population, procedural capacity, access to justice, principles of criminal procedure, compensatory approach.

For citation
Kurbatova S. M. Issues of proper participation of persons with disabilities in criminal proceedings. *Bulletin of Buryat State University. Law.* 2026; 3: 35–40 (In Russ.).

The article was submitted 10.07.2026; approved after reviewing 17.08.2026; accepted for publication 18.09.2026.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИИ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья
УДК 343.852
DOI: 10.18101/2658-4409-2026-3-41-48

Нормативное регулирование деятельности по предупреждению преступлений и иных правонарушений органами прокуратуры России и некоторых азиатских стран

© Дашиева Аюна Дугаржаповна
кандидат юридических наук, доцент кафедры организации
судебной и прокурорско-следственной деятельности,
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
Россия, 123242, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, стр. 1
dashievaad@yandex.ru

Аннотация. Во все времена государства уделяют большое внимание вопросам предупреждения преступлений и правонарушений. Прокуратура является важным государственным органом в России и зарубежных странах. Исторически прокуратуры создавались в разных странах и на их становление повлияло много факторов: форма государственного правления, структура государственных органов, задачи, которые ставились перед прокуратурами, полномочия и т. д. В доктрине выделяют несколько типов прокуратур и их классификации. В каких-то странах прокуратуры относятся к органам исполнительной власти, в других странах они находятся при судах и изредка только поддерживают гособвинение и расследование уголовных дел. В статье рассмотрено нормативное регулирование задач прокуратур России и некоторых азиатских стран, наличие законов о прокуратурах или нормативные акты, которые предусматривают предупредительную деятельность прокуратур.
Ключевые слова: Прокуратура России, прокуратуры стран Азии, надзорная деятельность, предупредительная деятельность прокуратуры, Федеральный закон о прокуратуре, задачи прокуратуры, полномочия.

Для цитирования
Дашиева А. Д. Нормативное регулирование деятельности по предупреждению преступлений и иных правонарушений органами прокуратуры России и некоторых азиатских стран // Вестник Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова. Юриспруденция. 2026. Вып. 3. С. 41–48.

Обеспечение предупреждения преступности является важной задачей всех государств, поскольку преступность является одним из дестабилизирующих факторов, влияющих на состояние общества и развитие государства.

В настоящее время рост угроз государству, нарушение интересов общества, необходимость удержания экономической стабильности государства и сложность контроля соблюдения требований законодательства приводят к несоблюдению требований и нарушению норм [1]. Прокуратура в данной ситуации играет важную роль в обеспечении стабильности и законности.

Прокуратуры как государственные органы или схожие учреждения разных государств создавались в разные периоды и при разных обстоятельствах, но различие в правовых системах и государственном устройстве повлияло на задачи, поставленные перед прокуратурами.

Институт прокуратуры появился во Франции при правлении короля Филиппа IV Красивого и сформирован был, по историческим летописям, в XIV в. [2]. Королевские прокуроры представляли его интересы в суде. В Российской Федерации прокуратуру создал Петр I указом от 12 января 1722 г.

Считается, что образцами для должности отечественного генерал-прокурора могли послужить как французский генерал-прокурор, так и шведский высший омбудсмен [3]. Вызывает интерес то, что название должности выбрано из Франции, а содержание полномочий больше относится к шведскому опыту, поскольку касается общего надзора. Лишь позднее, при судебной реформе, прокуратура приобрела схожие полномочия французской модели.

Анализ законодательства зарубежных стран, регулирующего отношения, связанные с деятельностью органов прокуратуры, показывает, что в современном мире нет единого подхода к определению места прокуратуры в правовой системе. Прокуратура в зарубежных странах строилась в течение длительного периода развития на основе учета исторических условий страны, характера государственного механизма и экономики [4].

В доктрине выделяют две модели прокуратуры: англо-американскую и европейскую континентальную [5, с. 8–9]. В странах англо-американской правовой семьи в силу ее прецедентного характера отсутствовали условия для создания и развития института прокуратуры как надзорного органа. Состязательный процесс предполагает абсолютное равенство статуса сторон, поэтому в английской системе права нет властной фигуры прокурора, обвинителями в судах выступали адвокаты, нанятые государством. Так, понятие «атторней», которое применительно к Соединенным Штатам Америки сейчас нередко употребляется в значении «прокурор», означает поверенного, представителя по юридическим делам, прокуратура в этих странах относится к исполнительной власти [6]. В ведении Генерального атторнея (прокурора) находятся контрразведка, политическая полиция, управление тюрьмами и миграционный контроль. Кроме того, местным атторнеям разрешено заниматься адвокатской практикой. В Англии и большинстве бывших британских колоний обвинителями выступают сотрудники органов исполнительной власти.

Европейские континентальные модели прокуратуры предусматривают осуществление прокурором не только уголовного преследования, но и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, надзор за расследованием уголовных дел [5, с. 10].

В разных странах прокуратуры значительно отличаются в зависимости от национальных особенностей устройства государства, организации государственных органов власти, взаимодействия и общественных отношений, поэтому создать единую классификацию затруднительно, но возможно выделить общие черты, которые могут определить классификацию. Выделяют некоторые страны, к которым относятся КНР, КНДР, Узбекистан, Абхазия, Вьетнам, Казахстан, Лаос, Таджикистан, Беларусь, Туркменистан, Киргизия, Куба и на которые повлияли опыт

и помощь СССР. Организация централизованного управления коммунистической партии во многом определила траекторию развития государственных институтов Российской Федерации и перечисленных государств, где прокуратуры представляют самостоятельный конституционный орган с сохраняющимися широкими полномочиями внутри и вне уголовно-правовой сферы, включая общий надзор за законностью. Также есть страны, тесно связанные с СССР, где функции прокуратуры приведены к европейской модели, где сконцентрированы полномочия в уголовно-правовой сфере (Армения, Грузия, Монголия, Венгрия, Словакия, Азербайджан, Албания, Латвия, Литва, Молдова, Украина, Северная Македония, Сербия, Хорватия, Черногория)[1].

Одна из предлагаемых классификаций прокуратур по группам касается таких стран, как Дания, Киргизия, Мексика, Норвегия, Словения, Филиппины, Швеция, Эстония, а также США, и другие бывшие британские колонии, где прокуратуры входят в систему исполнительной власти; в Азербайджане, Андорре, Болгарии, Грузии, Испании, Латвии, Молдавии они относятся к судебной власти; во Франции, Германии, Бельгии, Италии, Нидерландах, Румынии прокуратуры организационно подчинены Министерству юстиции, но сами входят в состав судебной системы [7]; в большинстве стран Содружества Независимых Государств, Албании, Венгрии, Македонии, Сербии, Словакии, Хорватии, ряде стран Латинской Америки, бывших колониях Португалии, Индонезии они занимают самостоятельное место в системе разделения властей, не примыкая ни к одной из ветвей [5, с. 11].

Правовой статус прокуратуры влияет на объем ее полномочий, функций и задач. Приведенная классификация показывает, что нет единообразия в прокуратурах стран мира, у них разные полномочия в зависимости от задач, поставленных перед ними.

В азиатских странах прокуратуры созданы с учетом влияния дружественных стран, приведенных выше в классификации, где прокуратура представляет собой самостоятельный конституционный орган с сохраняющимися широкими полномочиями внутри и вне уголовно-правовой сферы, включая общий надзор за законностью. Есть и страны Азии, которые были колониями западных государств, что повлияло на государственный статус прокуроров и их полномочия.

Если обратиться к основным задачам, которые возлагаются на органы прокуратуры некоторых стран Азии, то можно увидеть, что законы закрепляют надзорные и иные функции. Вызывает интерес осуществление прокуратурами предупредительной деятельности, которая регламентируется в исследуемых странах Азии, предусматривается это законами о прокуратуре или иным образом закрепляется в законодательстве или этот функционал ей не свойствен, поскольку такая деятельность нормативно не предусмотрена.

Например, в законе Республики Казахстан «О прокуратуре» установлено, что прокуратура от имени государства осуществляет в установленных законом пределах и формах высший надзор за соблюдением законности на территории Республики Казахстан, представляет интересы государства в суде и от имени

[1] Справочник прокуратур стран мира. URL: https://agprf.org/mir/vvedenie (дата обращения: 20.05.2026).

государства осуществляет уголовное преследование (ст. 1). По утверждению разработчиков закона Республики Казахстан «О прокуратуре», его специфика заключается в наличии трех форм надзора: проверка, анализ и оценка правовых актов[1]. В статье 6 Закона о прокуратуре Республики Казахстан перечисляются основные функции, такие как высший надзор за законностью относительно поднадзорных лиц, а также принимаемых актов и решений; производством по делам об административных правонарушениях, досудебного расследования, уголовного преследования, оперативно-разыскной и контрразведывательной деятельности, исполнительного производства, судебных актов, вступивших в законную силу, исполнения уголовных наказаний и применения иных мер государственного принуждения, государственной правовой статистики и специальных учетов, соблюдения международных обязательств, в сфере инвестиций и инвестиционной деятельности. В статье 4 закреплена задача по выявлению и восстановлению нарушенных прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов юридических лиц, общества и государства и координация деятельности правоохранительных и иных государственных органов по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью[2]. Отдельная функция предупреждения преступности или профилактики правонарушений в Законе о прокуратуре не закреплена.

Согласно анализу законодательства, противодействие коррупции прокуратура Казахстана осуществляет лишь в части координации работы правоохранительных органов по обеспечению законности. Противодействием коррупции занимается отдельно созданная президентом Казахстана Служба по противодействию коррупции Комитета национальной безопасности Республики Казахстан[3]. Следует отметить, что органы прокуратуры указаны как субъект профилактики правонарушений в Законе о профилактике правонарушений[4] с перечислением их компетенции: осуществляют высший надзор за соблюдением законности в сфере профилактики правонарушений, координируют деятельность правоохранительных и иных государственных органов по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью, формируют государственную правовую статистику и ведут специальные учеты, осуществляют иные полномочия, предусмотренные законами и актами президента Казахстана.

Такой подход идентичен с российским, который предусматривает предупредительную деятельность в отдельном нормативном акте.

Следующая страна, которую мы рассмотрим, — это Китайская Народная Республика (далее — КНР), где в Конституции упоминается только надзорная функция прокуратуры (ст. 134). В законе не предусматривается предупредительная

[1] Генеральная прокуратура Республики Казахстан URL: http://prokuror.gov.kz/rus/o-prokurature/zakon-o-prokurature (дата обращения: 10.05.2026).

[2] О прокуратуре : конституционный закон Республики Казахстан от 05.11.2022 № 155-VII. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31771762&pos=749;215 (дата обращения: 26.06.2026).

[3] О некоторых вопросах Комитета национальной безопасности Республики Казахстан : указ Президента РК от 14.07.2025 № 944. URL: https://Adilet.zan.kz/rus/docs/U2500000944 (дата обращения: 20.06.2026).

[4] Закон о профилактике правонарушений от 31.12.2025 № 245-VIII ЗРК. URL: https://Gos24.kz/uploads/DOCUMENTS/2026-01/Закон_о_профилак.правонарушений.pdf (дата обращения: 20.06.2026).

деятельность как отдельная функция Народной прокуратуры. Там закреплено, что Народная прокуратура является государственным органом, осуществляющим надзор. Предупредительная функция предусматривается отдельными законами, где выделяются полномочия прокуратуры в борьбе с организованной преступностью и противодействию коррупции. Закон КНР о борьбе с организованной преступностью[1] предусматривает полномочия прокуратуры как уполномоченного субъекта по борьбе с преступностью. В законе КНР «О предотвращении подростковой преступности»[2] прокуратура не указана как субъект предупреждения, но Верховная народная прокуратура (ВНП) опубликовала документ под названием «Мнения о дальнейшем усилении надзора со стороны прокуратуры в целях профилактики преступности среди несовершеннолетних», направленный на содействие построению системы профилактики преступности среди несовершеннолетних посредством эффективного выполнения обязанностей по надзору со стороны прокуратуры, а также содействия построению системы, объединяющей наказание за преступления, воспитание и исправление, защиту прав несовершеннолетних преступников[3]. Тем самым прокуратура подтверждает, что является субъектом профилактики преступности несовершеннолетних и ведет работу в этом направлении, планирует свою деятельность и разрабатывает меры по предупреждению преступности несовершеннолетних.

В России сложилась схожая ситуация, здесь в законах прокуратура не предусматривается субъектом профилактической и предупредительной деятельности преступности несовершеннолетних, но указана как субъект профилактики правонарушений в общем законе об основах системы профилактики правонарушений [8, с. 145].

В Монгольской Народной Республике (далее — МНР) согласно закону «О прокуроре»[4] прокурор осуществляет надзор за расследованием нарушений, надзор за расследованием уголовных дел, вне уголовной сферы представляет государство и обеспечивает защиту государственных и общественных интересов, осуществляет надзор за исполнением наказания. В законе не предусмотрена предупредительная деятельность прокуратуры, но она закреплена в законе «О предотвращении преступлений и нарушений»[5], где прокуратура должна взаимодействовать с правоохранительными органами, судами и другими государственными органами, проводить общенациональную статистическую деятельность по выявлению

[1] Закон Китайской Народной Республики о борьбе с организованной преступностью. URL: https://whly.gd.gov.cn/gkmlpt/content/4/4065/mmpost_4065295.html#2628 (дата обращения: 14.06.2026).

[2] О предотвращении подростковой преступности : закон КНР от 28.06.1999 № 17. URL: http//iolawen.cssn.cn/ywfifg/02010/t20201030_5206216.shtml (дата обращения: 16.06.2026).

[3] Верховная народная прокуратура (ВНП) опубликовала «Мнения о дальнейшем усилении надзора со стороны прокуратуры в целях профилактики и управления преступностью среди несовершеннолетних». URL: https://www.spp.gov.cn/spp/zdgz/202602/t20260207_718670.shtml (дата обращения 22.06.2026).

[4] О прокуроре : Закон Монгольской Народной Республики от 09.06.2017. URL: https://Legalinfo.mn/mn/datail?Lawld=12702 (дата обращения: 23.06.2026).

[5] Неофициальный перевод на английский язык. О предотвращении преступлений и нарушений : закон Монгольской Народной Республики от 06.06.2019. URL: https://Legalinfo.mn/en/edtl/16758346660151 (дата обращения: 23.06.2026).

нарушений и обеспечивать согласованность между этими мероприятиями. Участвует в согласовании политики по предотвращению нарушений. Таким образом, прокуратура Монголии является субъектом профилактики и предотвращения преступлений и нарушений.

Опыт МНР по нормативному регулированию предупредительной деятельности прокуратуры схож с нормативным регулированием в России [8, с. 20–21], но с некоторыми отличиями, которые следует подробно рассмотреть в отдельном исследовании.

Перейдем к исследованию нормативного регулирования в Республике Корея. Здесь прокуроры действуют при судах, но административно подчинены Министерству юстиции. В соответствии со своей основной задачей прокуратура осуществляет уголовное преследование и в ряде случаев расследование преступлений [9]. Положения о предупредительной деятельности не предусмотрены в основных задачах, поскольку деятельность связана с уголовным преследованием и как отдельная функция не закреплена.

Выше приводились мнения, что опыт того или иного государства схож с нормативным регулированием в Российской Федерации. Так, прокуратура закреплена в Конституции в качестве надзорного органа, действующего в целях обеспечения законности. В статье 1 закона «О прокуратуре Российской Федерации»[1] нет указания на отдельную функцию или направление деятельности предупреждения преступлений и иных правонарушений. Отмечается только координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, что относится к предупредительной деятельности.

В законодательстве России органы прокуратуры законодателем определены как субъекты профилактики правонарушений (ст. 5 закона № 182-ФЗ), они осуществляют свою деятельность в пределах компетенции, установленной настоящим и другими федеральными законами.

Исследуя нормативное регулирование отдельных государств по определению задач или функций, возложенных на прокуратуры России и приведенных выше азиатских стран, пришли к выводу, что законодательством о прокуратуре не закреплена деятельность по предупреждению противодействия преступности. В основном определены функции по осуществлению уголовного преследования, надзорной деятельности по обеспечению законности, поддержанию обвинения, расследования уголовных дел и др. Есть положения, закрепляющие полномочия по борьбе с преступностью в отдельных сферах, таких как противодействие коррупции, борьба с организованной преступностью и др., но они закреплены в отдельных законах и лишь в некоторых странах. Приведенные выше примеры законов ряда стран предусматривают отдельные законы, где прокуратуры являются субъектами предупредительной деятельности по предупреждению преступности и правонарушений, к ним относятся КНР, Республика Казахстан, Монголия, Россия. Прокуратуры указанных государств занимаются предупреждением преступности и иных правонарушений, вносят весомый вклад в обеспечение законности, влияют на снижение негативных факторов, представляющих

[1] О Прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I // Российская газета. № 39. 1992. 18 февр.

угрозу безопасности государств. Вызывает интерес разница в полномочиях по осуществлению предупредительной деятельности, что будет рассмотрено в отдельном исследовании.

Литература

1. Дашиева А. Д. Вопросы привлечения к административной ответственности в условиях режима повышенной готовности // Сибирский юридический вестник. 2021. № 2(93). С. 21–29.
2. Казанцев С. М. Королевская прокуратура во Франции и царская прокуратура в России // Актуальные проблемы истории государства и права, политических и правовых учений. Самара, 2001. С. 122–128.
3. Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. 2-е изд. Москва, 2000. С. 103–104.
4. Князева Е. Г. Прокурорский надзор в зарубежных странах // Юристъ-Правоведъ. 2009. № 1. С. 98–101.
5. Какителашвили М. М., Куликова Г. Л. Организация и деятельность прокуратур зарубежных стран : учебное пособие / под редакцией Г. Л. Куликовой. Москва : Изд-во Ун-та Прокуратуры Рос. Федерации, 2020. 176 с.
6. Акопов Л. В. Прокуратура в системе органов государственной власти: российский и зарубежный подходы // Бизнес в законе. Экон.-юр. журн. 2013. № 4. С. 64–66.
7. Додонов В. Н. Прокуратуры зарубежных стран : справочник / под общей научной редакцией С. П. Щербы. Москва : Юрлитинформ, 2006. 320 с.
8. Дашиева А. Д., Зиновьев И. Л., Кузакова А. А. Деятельность прокуратуры по предупреждению преступности и иных правонарушений : учебное пособие. Москва, 2025. 184 с.
9. Прокуратуры стран мира : справочник / В. Н. Додонов ; под общей редакцией П. А. Смирнова ; Университет Прокуратуры Российской Федерации, Научно-исследовательский институт. Москва : Городец, 2026. С. 393–396.

Статья поступила в редакцию 02.07.2026; одобрена после рецензирования 08.08.2026; принята к публикации 18.09.2026.

Regulatory Framework of Crime and Offense Prevention by Prosecution Authorities of Russia and Certain Asian Countries

Ayuna D. Dashieva
Cand. Sci. (Law), A/Prof. at Department
of Judicial, Prosecutorial and Investigative Activities,
Kutafin Moscow State University
9 Sadovaya-Kudrunskaya St., Moscow 125993, Russia
dashievaad@yandex.ru

Abstract. States have always paid great attention to crime and offense prevention. The prosecutor’s office is an important government body in Russia and abroad. Historically,

prosecution services emerged across various countries under the influence of numerous factors, including the form of government, the structure of state bodies, the specific tasks assigned to them, their powers, and so on. Legal doctrine distinguishes several types and classifications of prosecution systems. In some countries, prosecution authorities belong to the executive branch; in others, they operate under the courts, occasionally focusing solely on sustaining public prosecution and investigating criminal cases. The article examines the regulatory framework for the duties of the prosecution authorities in Russia and certain Asian countries, and analyzes whether there are laws or regulations that provide for their preventive activities.

Keywords: Procuracy of Russia, prosecution authorities of Asian countries, supervisory activity, preventive activity of prosecution services, Federal Law on the Procuracy, tasks of prosecution authorities, legal powers.

For citation

Dashieva A. D. Regulatory framework of crime and offense prevention by prosecution authorities of Russia and certain Asian countries. *Bulletin of Buryat State University. Law.* 2026; 3: 41–48 (In Russ.).

The article was submitted 02.07.2026; approved after reviewing 08.08.2026; accepted for publication 18.09.2026.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья
УДК 343.140.02
DOI: 10.18101/2658-4409-2026-3-49-60

Некоторые аспекты оценки доказательств на стадии судебного разбирательства: сравнительно-правовой аспект положений Российской Федерации и Китайской Народной Республики

© Захаренкова Вера Вячеславовна
ассистент
zakharenkovavera@mail.ru

© Сидорова Наталия Александровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики
n.sidorova@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199106, г. Санкт-Петербург, 22-я линия Васильевского острова, 7

Аннотация. В данной статье авторы определяют основные моменты оценки доказательств на стадии судебного разбирательства. Вопросы деятельности суда по оценке доказательств при рассмотрении и разрешении уголовных дел в свете презумпции невиновности анализируются в сравнительно-правовом контексте действующего законодательства РФ и КНР. Рассматривается соотношение и значение таких категорий, как «достаточность доказательств», «совокупность доказательств» в процессе доказывания. Доказанность виновности или невиновности лица в совершении преступления отмечается авторами как наиболее важный элемент уголовно-процессуальной деятельности, от которого зависит ее дальнейшее развитие. Авторами подробно рассматривается такой институт уголовного процесса РФ и КНР, как «стандарт доказывания», и приводятся соответствующие критерии, которые в нем выделяются. Также подчеркивается обязательное соблюдение законных процедур при сборе доказательств и их тщательной проверке и оценке.
Ключевые слова: достаточность доказательств, совокупность доказательств, презумпция невиновности, оценка доказательств, уголовный процесс КНР.

Для цитирования:
Захаренкова В. В., Сидорова Н. А. Некоторые аспекты оценки доказательств на стадии судебного разбирательства: сравнительно-правовой аспект положений Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Вестник Бурятского государственного университета. 2026. Вып. 3. С. 49–60.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) устанавливает, что «приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями

настоящего Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона» (ч. 2 ст. 297 УПК РФ). Это положение получило дальнейшее развитие в п. 1 постановления пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» [20]: «приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если «соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона», при этом «приговор может быть признан законным только в том случае, если он постановлен по результатам справедливого судебного разбирательства», которое гарантируется ст. 46 и 123 Конституции Российской Федерации.

Ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее —УПК РФ)[1] определяет режим функционирования одного из важнейших принципов уголовного судопроизводства — презумпции невиновности. Положения данного принципа определяют основные направления деятельности государственных органов и должностных лиц, на которых возложена обязанность осуществлять уголовно-процессуальную деятельность. Одной из составляющих данного принципа является его положение о том,что все неустранимые сомнения в «доказанности обвинения, в том числе отдельных его составляющих (форма вины, степень и характер участия в совершении преступления, смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства и т. д.), толкуются в пользу подсудимого»[2]. Анализируя положения уголовно-процессуальной доктрины, следует отметить, что, на наш взгляд, наиболее оптимальной представляется позиция профессора В. А. Лазаревой, что «невиновность в целом презюмируется» [3, с. 41], соответственно она не нуждается в доказывании [3, с. 41], а «предметом доказывания по уголовному делу является виновность лица в совершении преступления» [1, с. 212]. Требования, установленные в гл. 2 «Принципы уголовного процесса», гл. 35 УПК РФ «Общие условия судебного разбирательства, а также требования, которые предъявляются к приговору (ст. 303–309 УПК РФ)[3], возлагают на суд обязанность, независимо от его состава и уровня в судебной системе, оценивать все исследованные в ходе судебного разбирательства доказательства на этапе постановления / вынесения итогового решения независимо от его вида (приговор, будь он обвинительным или оправдательным, постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и проч.). Кроме того, суд в обязательном порядке должен не просто выбрать какие-либо одни доказательства и отказаться от других, но и аргументировать свой выбор в пользу одних доказательств и отказа от других. УПК РФ не устанавливает исчерпывающий регулируемый перечень обстоятельств, которые необходимо установить по каждому конкретному уголовному делу. Это фактически невыполнимая задача, поскольку каждое уголовное дело обладает уникальным набором фактов и соответственно объемом информации. В первую очередь УПК РФ ставит перед правоприменителем, в данном случае судом, задачу обеспечить соответствие приговора тем процедурным требованиям, которые установлены,

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 26.07.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Там же.

[3] Там же.

с одной стороны, нормами УПК РФ, и тем самым устанавливается лишь минимальный стандартный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, например в ст. 68 УПК РФ, оставляя суду возможность в рамках составов конкретных уголовно-противоправных деяний исследовать все обстоятельства уголовного дела. С другой стороны, УПК РФ на этих же субъектов — государственных органов, должностных лиц — возлагает обязанность обеспечить права участников уголовно-процессуальных отношений, а также иных лиц, чьи интересы прямо или косвенно затрагивают рассмотрение и разрешение конкретного уголовного дела. Со стороны Уголовного кодекса РФ провозглашается соблюдение принципа справедливости и неотвратимости назначения наказания. Требования процессуального и материального законов могут быть успешно реализованы исключительно в таком режиме, когда учитываются абсолютно все особенности, нюансы каждого индивидуально определенного уголовного дела по всем элементам состава конкретного преступления, как в отношении самого события, так и с учетом характеристики личности правонарушителей. По отдельным категориям уголовных дел закон устанавливает специальные требования по кругу обстоятельств, которые необходимо установить для принятия законного, обоснованного и справедливого итогового решения, причем не всегда приговора, с учетом специфики личности субъектов, состояния их здоровья, обстоятельств совершения преступного деяния, посткриминального поведения, направленного на минимизацию последствий преступления (ст. 433, 431, 432, 427, 317-1, 226-5, 24–28 УПК РФ и др.).

Рассматривая суд как субъект уголовно-процессуального доказывания (ст. 86–88 УПК РФ), следует подчеркнуть, что данное суждение имеет противников в уголовно-процессуальной доктрине, тем не менее суд принимает участие в процессе доказывания, хотя его полномочия в этом аспекте имеют определенную специфику. В силу принципа состязательности и процессуального статуса суд не является ни стороной обвинения, ни стороной защиты, соответственно не может реализовывать функции этих сторон (ч. 2 ст. 15 УПК РФ), что прямо противоречило бы его правовой природе. Суд в первую очередь имеет обязанность — разрешить уголовное дело и обеспечить надлежащие условия для реализации сторонами своих процессуальных возможностей. Это положение прослеживается и в правовой позиции Конституционного Суда РФ по ч. 1 ст. 86 УПК РФ, которая сформулирована в Определении Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[1]. Конституционный Суд РФ приходит к выводу, что упоминание суда в указанной статье вместе с другими субъектами предполагает, что суд действует только в пределах ограниченной законом компетенции. При этом, «не являясь стороной в уголовном судопроизводстве, суд обязан в своей деятельности использовать только те предоставленные ему законом полномочия, которые обеспечивают разрешение уголовного дела по существу, не связывая свои действия с выполнением функций обвинения или

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 17.07.2026).

защиты»[1]. При этом «суд не вправе допускать отступлений от установленного ст. 123 (ч. 3) Конституции Российской Федерации принципа осуществления правосудия на основе состязательности и равноправия сторон»[2]. В дифференцированных видах производств, например в рамках процедур, определенных главами 40 и 40.1 УПК РФ, введены специальные конструкции в рамках судебного производства для реализации судом процессуальных полномочий независимо от порядка судопроизводства (ординарный, упрощенный, усложненный, особый), суд является исключительным, специфическим субъектом. Его исключительность состоит в том, что суд является единственным органом в рамках судебного разбирательства, имеющим право и одновременно обязанность, которая на него возложена законом, а именно: принимать процессуально значимые решения как результат осуществления окончательной оценки доказательств. Его исключительность состоит и в том, что независимо от порядка производства (ординарного или дифференцированного) в рамках судебного разбирательства только суд независимо от категории или совокупности преступлений окончательно определяет предмет и пределы доказывания, руководствуясь общими требованиями уголовно-процессуального закона. Как результат уголовно-процессуальной деятельности на соответствующем ее этапе суд оценивает доказательства и признает их относимыми, допустимыми, достоверными и достаточными. И только суд, и никто кроме него, реализует обязанность устанавливать пределы достаточности объема собранной по делу информации, определять, имеет ли эта информация правовые основания для приобретения статуса доказательства и какой ее объем и количество необходимы для принятия законного, обоснованного и справедливого решения независимо от того, каким оно будет. Если суд использует в решении категорию «достаточность доказательств», он в первую очередь предполагает, что уже имеется достаточно допустимый объем доказательств — в большей мере, нежели качественная характеристика доказательств; при перечислении всех собранных по делу доказательств и их источников, которые положены в основу позиции суда, последний зачастую фактически использует категорию «совокупность доказательств» как стандартный универсальный термин [11, с. 738]. Вопрос доказанности виновности или невиновности лица в совершении преступления считается одним из главнейших в уголовном процессе, от его решения зависит дальнейший ход уголовно-процессуальной деятельности. В связи с этим возникает вопрос об эффективности уголовно-процессуальной деятельности, повышении качественных составляющих в деятельности субъектов процесса доказывания, единообразном понимании таких категорий, как пределы доказывания, достаточность доказательств, совокупность доказательств, законодательного определения которых в УПК РФ нет. Но эти категории используются судом при обосновании, аргументации своей позиции по делу. Применение указанных категорий в судебных решениях (итоговых или промежуточных) нельзя сводить исключительно к простому перечню собранных и исследованных по делу доказательств[3].

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 17.07.2026).

[2] Там же.

[3] Там же.

Проблемы доказанности вины подсудимого вызвали обсуждение в доктрине уголовного процесса таких вопросов, которые связаны с необходимостью повышения требований к процессу доказывания, в частности, возникла дискуссия о необходимости введения категории стандарта доказывания и его установления. В литературе появилось множество различных суждений по этому вопросу.

На наш взгляд, интересным и вполне соответствующим уголовно-процессуальным реалиям является суждение профессора В. А. Лазаревой, что доказывание достигает своей цели только в том случае, если все установленные законом обстоятельства подтверждены необходимой и достаточной для этого совокупностью доказательств [9, с. 126], эта совокупность «характеризует полноту и глубину исследования каждого подлежащего доказыванию факта (главного, промежуточного, вспомогательного) и обеспечивает надежность вывода о доказанности каждого факта» [9, с. 126].

Совокупность доказательств будет считаться идеальной только при условии, когда не останется неустранимых сомнений в виновности лица. Здесь проявляется в полной мере действие презумпции невиновности как принципа уголовного процесса (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ). Рассматривая презумпцию невиновности, следует выделить следующие тезисы и положения, которые ее составляют:

1) по общему правилу лицо считается невиновным до тех пор, пока не наступила совокупность нижеследующих правил;

2) виновность лица может быть доказана только в порядке, который установлен УПК РФ;

3) виновность лица будет считаться установленной, если приговор суда по конкретному уголовному делу вступил в законную силу;

4) бремя доказывания обвинения возлагается на сторону обвинения;

5) бремя опровержения доводов, которые приводятся в защиту подозреваемого или обвиняемого, возлагается на сторону обвинения;

6) подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность; они могут вообще занимать пассивную позицию и не участвовать в процессе доказывания;

7) в пользу обвиняемого (и никак не иначе!) толкуются все сомнения в его виновности, которые имеются по делу, если они не устранены и не могут быть устранены в установленном УПК РФ порядке;

8) обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Роль и значение презумпции невиновности велики, на это обращали внимание многие процессуалисты [12, с. 193]. Следует согласиться с В. А. Лазаревой, что презумпция невиновности предопределяет распределение бремени доказывания, определяет предмет доказывания и устанавливает содержание обязанности доказывания — доказывание виновности, она (презумпция) представляет собой в том числе право обвиняемого считаться невиновным и оспаривать обвинение» [8, с. 81–120].

Имеющиеся в доктрине различные мнения о разграничении понятий бремени доказывания и обязанности доказывания [2, с. 10] свидетельствуют об интересе ученых к данной проблематике. Наиболее удачными, на наш взгляд, являются суждения А. В. Кудрявцевой и Ю. А. Морозовой о том, что не определены четко и

ясно понятия «обязанность доказывания» и «бремя доказывания» [7, с. 154], хотя «вопрос о понятии и содержании бремени доказывания в уголовном процессе имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение» [4, с. 95].

К. Б. Калиновский выделяет три основных компонента в механизме выявления бремени доказывания: «юридический факт, подлежащий установлению; стандарт доказанности этого факта, определяющий неисполнение бремени; презумпция, устанавливающая толкование недоказанности против определенного лица» [6, с. 245–249]. Следует согласиться с позицией, что в российском уголовном процессе презумпцию невиновности следует относить к принципам, «а не к стандартам доказывания, как в англосаксонском (common law) уголовном процессе», более того, в теории общего права «презумпция невиновности сопровождает или даже является элементом доказывания, устанавливая правила стандартов решения о виновности» [4, с. 99]. Презумпция невиновности определяет «сущность и роль стандартов доказывания» [15, с. 252]. Таким образом, ее можно считать фундаментом для «стандарта доказывания в уголовном процессе» [13, с. 7–11]. В соответствии с презумпцией невиновности обстоятельство уголовного дела будет считаться установленным, если не доказано противное. Исходя из вышеприведенных суждений напрашивается однозначный вывод, что действительно принцип презумпции невиновности является фундаментом, краеугольным камнем процесса доказывания, но не является стандартом доказывания в любом его понимании.

Говоря о стандартах доказывания, по поводу необходимости введения которых нет единого мнения в целом, следует отметить, что они — стандарты доказывания, как таковые в целом применяются на практике, например в арбитражном процессе. Применительно к данному виду процедур была предпринята попытка унифицировать эту проблему в рекомендациях Научно-консультативного совета Арбитражного суда Западно-Сибирского округа «По вопросам, возникающим при применении арбитражного процессуального законодательства Российской Федерации и законодательства об энергоснабжении», которые были приняты по итогам заседания, состоявшегося 24 мая 2019 г., и утверждены на заседании Президиума Арбитражного суда Западно-Сибирского округа 15 ноября 2019 г. В настоящее время эти рекомендации действуют в редакции от 27.04.2024 г. В уголовном судопроизводстве вопросы стандартизации доказывания активно обсуждаются в доктрине уголовного процесса, что отмечалось ранее. Но в ряде стран вопросы стандартизации доказывания имеют место и по уголовным делам в рамках уголовного судопроизводства. Примером тому может служить уголовный процесс КНР.

Для проведения сравнительно-правового анализа проблемы целесообразно обратиться к регулированию вопросов оценки доказательств на стадии судебного разбирательства в уголовно-процессуальном законе Китайской Народной Республики (далее — УПЗ КНР). Современная китайская уголовно-процессуальная система претерпела множество изменений с 1979 г. Именно в том году был введен действующий сегодня УПЗ КНР. С этого времени постепенно формировалась система уголовного судопроизводства, соответствующая национальным и политическим условиям современного Китая, с учетом существующих международных стандартов. В отношении системы уголовного судопроизводства в Китае сформировалась достаточно четкая позиция: «дела должны рассматриваться

в соответствии с законом и на основе фактов» [14, с. 137–138]. Принцип оценки доказательств в уголовном процессе как раз и отражает данную философию [14, с. 137–138]. Применительно к стадии судебного разбирательства данный принцип имеет иное название, сохраняя свою суть, — принцип вынесения судебного решения на основе доказательств. Анализируя данный принцип, следует отметить, что он играет определяющую роль в обеспечении режима законности при отправлении правосудия по уголовным делам и направлен на обеспечение предотвращения вынесения неправосудных и несправедливых приговоров. Этот принцип является основным, главенствующим в системе принципов уголовного судопроизводства, на него опираются органы правосудия в своей деятельности при рассмотрении и разрешении уголовных дел. В уголовно-процессуальной действительности КНР встречается термин «стандарт доказывания». И здесь в отличие от российского уголовно-процессуального права и российской уголовно-процессуальной доктрины раскрывается его понятие и приводится толкование, как на теоретическом уровне, так и в результатах правоприменительной деятельности. Под стандартом доказывания по уголовному делу понимается формула, когда судья должен установить ясные факты по делу на основе «надежных и достаточных доказательств»[1] [5, с. 50–62], эти факты должны исключать сомнения судьи при исследовании доказательств в ходе судебного разбирательства, хотя в таком виде на законодательном уровне данное правило не имеет официального закрепления. В рамках указанного стандарта доказывания выделяют две составляющие. Объективная составляющая, которая презюмирует, что доказательства должны соответствовать стандарту достоверности и достаточности и отвечать этим двум константам, и субъективная, которая определяет необходимость в любом случае достигать такого уровня в рамках процесса доказывания, наличие которого не вызывает никаких разумных сомнений в установленной объективной реальности. Стандарт доказывания «вне разумных сомнений» (существуют разные формулировки указанного стандарта в теории: «исключающий разумные сомнения»,«вне всяких разумных сомнений», «за пределами разумных сомнений», «beyond a reasonable doubt») в доктрине рассматривается как самый высший стандарт в доказывании по судебным делам. Этот стандарт стал первоначально применяться в англо-американском праве, однако в разных правовых системах он претерпел некоторые трансформации и толкования.

Итак, первый критерий, который принято выделять в китайской уголовно-процессуальной действительности, в стандарте доказывания «вне разумных сомнений» — это непреложное требование о том, что нельзя выносить итоговое решение на основании только одного единственного доказательства, в обязательном порядке должна быть представлена некая неопределенная и неограниченная законом совокупность (именно совокупность, а не простой набор информации) доказательств, что подтвердит установление всех необходимых для принятия решения

[1] Толкование Верховного народного суда о применении Уголовно-процессуального закона КНР от 1 марта 2021 г. URL: https://baike.baidu.com/item/%E6%9C%80%E9%AB%98%E4%BA%BA%E6%B0%91%E6%B3%95%E9%99%A2%E5%85%B3%E4%BA%8E%E9%80%82%E7%94%A8%E3%80%8A%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E5%88%91%E4%BA%8B%E8%AF%89%E8%AE%BC%E6%B3%95%E3%80%8B%E7%9A%84%E8%A7%A3%E9%87%8A/15898472#2-5 (дата обращения: 17.07.2026).

обстоятельств дела. Признание подсудимым своей вины хоть и является источником доказательств, тем не менее само по себе не может рассматриваться как единственно достаточное доказательство установления вины, если оно не подтверждается другими собранными по делу процессуальными источниками, оно (признание) должно быть подтверждено другими доказательствами в их совокупности. Если нет прямых доказательств по делу, то косвенные доказательства должны быть взаимно проверены и из них должна быть сформирована единая система (некая идеальная совокупность) доказательств по делу[1] [10, с. 198–204].

Второй критерий, который следует выделить в соответствующем стандарте доказывания, связан с установлением ряда важных требований к имеющимся по делу противоречиям. Если в уголовном деле собраны доказательства и между ними имеются противоречия, то возникает необходимость нивелировать указанные противоречия до степени, исключающей разумные (рациональные) сомнения. Таким образом, возможно достижение ситуации, которая позволит исключить или минимизировать влияние противоречий на общую доказательственную базу по уголовному делу. Безусловно, это последующая дополнительная проверка доказательств, в том числе и получение новых дополнительных доказательств, а при неподтверждении каких-либо доказательств следует аргументированное исключение последних из доказательственной базы. Одним из интересных инструментов проверки доказательств в суде является перекрестный допрос. Речь идет о достаточно классической процедуре, когда стороны в судебном разбирательстве имеют возможность задать вопросы друг другу, выявляя при этом противоречия в показаниях допрашиваемых лиц. Однако указанный инструмент не является обязательной процедурой в суде, обязанность его проведения не закреплена в законе[2]. Внимание обращается на соблюдение уголовно-процессуальной формы и соответственно на соблюдение требований уголовно-процессуального закона. Так, закон устанавливает строгие процессуальные требования, которым должна отвечать информация, если она в дальнейшем получает статус доказательства по уголовному делу: это определенные законом источники, процедура, субъекты получения, формы закрепления и др. Вся доказательственная деятельность должна быть подчинена требованиям режима законности, при нарушении которого наступают определенные законом негативные последствия в виде утраты информации как процессуального статуса доказательства.

В соответствии с законом в отношении доказательств, собранных с нарушением закона хотя бы по одному критерию, может быть поставлен вопрос об их исключении из общего объема доказательств, который разрешается в ходе рассмотрения дела [5, с. 51]. Ко всем доказательствам, собранным как в ходе досудебного, так и судебного производства, предъявляются одинаковые требования, они должны быть собраны с помощью законных процедур и подвергнуты тщательной проверке и оценке. Направленность данного правила очевидна, его цель — предотвратить

[1] Уголовно-процессуальный закон КНР. URL: https://www.szns.gov.cn/xxgk/bmxxgk/nsgafj/xxgk_99908/zcfg_99917/zcfgjgfxwj_99918/content/post_11403805.html (дата обращения: 17.07.2026).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 26.07.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

злоупотребления со стороны судебной власти и обеспечить детальное исследование доказательств, их надлежащую проверку и оценку в судебном разбирательстве. Однако сами по себе императивные правила исключения незаконно собранных доказательств не сформулированы в законе [5, с. 62]. В 2024 г. появились правила, которые были разработаны высшими судебными инстанциями Китая (中华人民共和国刑事诉讼法实施细则关于处理刑事案件不法证据的规定). Данный документ является самостоятельным актом и не может быть рассмотрен как поправки к УПЗ КНР, тем не менее он посвящен проблеме исключения незаконных доказательств по уголовным делам и оказал существенное влияние на подход правоприменителей к оценке доказательств [16]. Безусловно, указанные правила преследуют цель обеспечения законности и справедливости в уголовном процессе.

Для укрепления и реализации указанных требований используется система аудиовизуальной записи процесса получения доказательств, результаты которой используются в дальнейшем в системе судебного следствия. Здесь имеется в виду активная роль суда при получении и исследовании доказательств в судебном разбирательстве.

Все собранные по делу доказательства должны приводить к одному логически выверенному решению и позволить сделать лишь один единственный вывод по рассматриваемому уголовному делу. Так, законодательство КНР четко устанавливает, что приговор по уголовному делу должен быть основан исключительно на доказательствах и любые субъективные предположения, основанные лишь на усмотрении или эмоциональной составляющей субъектов,а также неосновательные заявления, сомнительные по своей природе и происхождению документы не могут быть использованы в качестве основы для вынесения итогового решения по делу.

Согласно УПЗ КНР (中华人民共和国刑事诉讼法)[1], важным в уголовном процессе является вынесение итогового судебного решения на основе надежной системы доказательств и соответствие решения требованиям законности, обоснованности и справедливости.

Благодаря периодическому реформированию уголовно-процессуального законодательства КНР происходит постепенная оптимизация системы уголовного судопроизводства, которая выражается в совершенствовании законных механизмов повышения объективности и надежности проверки доказательств. Такие изменения возможны вследствие использования цифровых инструментов, а именно: формирование баз судебной практики, разработка системы, позволяющей анализировать доказательства и выявлять противоречия среди них. Такие системы могут не только обнаружить противоречия, пробелы и несостыковки имеющихся в деле доказательств, но и предложить возможные решения, учитывая опыт аналогичных дел. Совершенствование правовых норм, надзор за судебной практикой позволяют непрерывно развивать китайское уголовное судопроизводство во взаимосвязи с механизмом управления уголовно-процессуальной деятельности и совершенствованием процесса доказывания.

[1] Уголовно-процессуальный закон КНР. URL: https://www.szns.gov.cn/xxgk/bmxxgk/nsgafj/xxgk_99908/zcfg_99917/zcfgjgfxwj_99918/content/post_11403805.html (дата обращения: 17.07.2026).

Литература

1. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права : учебник для вузов / В. А. Лазарева [и др.]; под редакцией В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2024. С. 212. URL: https://urait.ru/bcode/535755 (дата обращения: 17.07.2026).

2. Барабаш А. С. Обязанность или бремя доказывания, их производность от презумпции невиновности обвиняемого // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4(37). С. 9–15.

3. Доказывание в уголовном процессе: учебник для вузов / В. А. Лазарева. 8-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2024. С. 41. URL: https://urait.ru/bcode/535462/p.41 (дата обращения: 12.02.2024).

4. Ильютченко Н. В. Бремя доказывание в уголовном процессе: классический и современный подходы // Государство и право. 2023. № 1(95). С. 95–103.

5. Инглу Ч., Юань И. Сравнительный анализ доказательств в уголовном процессе РФ и КНР // Закон. 2022. № 9. С. 50–62. URL: https://zakon.ru/publication/igzakon/10053 (дата обращения: 17.07.2026).

6. Калиновский К. Б. Бремя доказывания в уголовном процессе: взаимосвязь стандарта доказанности с презумпциями и правовое взаимодействие участников правоотношений // Правовые состояния и взаимодействия: историко-теоретический, отраслевой и межотраслевой анализ : материалы VII Международной научно-теоретической конференции (Санкт-Петербург, 1–2 декабря 2006 г.) / под общей редакцией Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник : в 2 частях. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та МВД России, 2006. Ч. 1. С. 245–249.

7. Кудрявцева А.В., Морозова Ю.А. Бремя доказывания в уголовном процессе // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности. К 125-летию со дня рождения М. С. Строговича: материалы конференции. Москва, 2020. С. 152–157.

8. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе. 5-е изд. Москва : Юрайт, 2014. С. 81–120.

9. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учебник для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2024. С. 126 (Высшее образование). URL: https://urait.ru/bcode/535462/p.126 (дата обращения: 09.09.2024).

10. Нечаева О. Д. Особенности стандарта доказывания в уголовном процессе КНР // VOX JURIS. ГЛАС ПРАВА / Межрегиональное отделение общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Санкт-Петербург : ЛЕМА, 2021. Вып. 1. С. 198–204.

11. Сидорова Н. А., Васильев И. А. Достаточность доказательств в судебных решениях по уголовным делам: отдельные проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. № 15(3). С. 736–748.

12. Презумпция невиновности и прекращение уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям / Н. Г. Стойко, И. А. Васильев, Н. А. Сидорова, Н. В. Платонова // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета : материалы

XV Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 23–24 июня 2023 г.). Москва : Русайнс, 2024. С. 179–194.

13. Шатайлюк Е. Е. Стандарт доказывания в уголовном процессе в контексте расследования высокодоходных преступлений (сравнительно-правовой аспект) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 2. С. 7–11.

14. Юань И. Проблемы рассмотрения доказательств по новому УПК КНР // Социально-политические науки. 2017. № 3. С. 137–138.

15. Wodage W. Note: Burdens of proof, presumptions and standards of proof in criminal cases. *Mizan Law Review.* 2015; 8(1): 252.

16. Xiaoyi Zi. The evolution and improvement of the rules on excluding illegal evidence from the "Old Regulations" to the "New Regulations". *Journal of Social Science and Humanities.* June 2025; 7(6): 60–65.

Статья поступила в редакцию 05.07.2026; одобрена после рецензирования 09.08.2026; принята к публикации 18.09.2026.

Some Aspects of Evidence Evaluation at the Trial Stage: A Comparative Legal Analysis of the Regulations in the Russian Federation and the People's Republic of China

Vera V. Zakharenkova
Assistant
zakharenkovavera@mail.ru

Natalya A. Sidorova
A/Prof. at Department of Criminal Procedure and Forensic Science
n.sidorova@spbu.ru

St. Petersburg State University
7 22nd Line of Vasilyevsky Ostrov, St. Petersburg 199106, Russia

Abstract. The article deals with the key aspects of evidence evaluation at the trial stage. It presents an analysis of the court's role in evaluating evidence while hearing and adjudicating criminal cases viewed through the lens of the presumption of innocence within a comparative legal framework involving the current legislation of the Russian Federation and the People's Republic of China. We have examined the relationship and significance of such categories as «sufficiency of evidence» and «totality of evidence» within the evidentiary process. Establishing a person's guilt or innocence regarding the commission of a crime is identified by us as the most critical element of criminal procedural activity determining its subsequent course. The article provides a detailed examination of the «standard of proof» concept in the criminal procedures of both Russia and China, outlining the relevant criteria associated with it. Furthermore, the study emphasizes the mandatory observance of lawful procedures during the collection, rigorous verification, and assessment of evidence.
Keywords: sufficiency of evidence, totality of evidence, presumption of innocence, evidence evaluation, criminal procedure of the PRC.

For citation
Zakharenkova V. V., Sidorova N. A. Some aspects of evidence evaluation at the trial stage: A comparative legal analysis of the regulations in the Russian Federation and the People's Republic of China. *Bulletin of Buryat State University. Law.* 2026; 3: 49–60 (In Russ.).

The article was submitted 05.07.2026; approved after reviewing 09.08.2026; accepted for publication 18.09.2026.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья
УДК 343.846
DOI: 10.18101/2658-4409-2026-3-61-69

Условно-досрочное освобождение осужденных по медицинским показаниям: современные тенденции в Индии и Китае[1]

© Бальчиндоржиева Оюна Баировна
доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
baoyu2008@yandex.ru

© Мяханова Александра Николаевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
alex27-m@mail.ru

© Скиба Андрей Петрович
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургская академия Следственного комитета РФ
Россия, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1;

профессор кафедры криминологии,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96
apskiba@mail.ru

Аннотация. На основе изучения законодательства Китая и пояснений Верховного народного суда Китая делается вывод о том, что фактически состояние здоровья осужденных является одним из оснований их условно-досрочного освобождения. Приводится перечень многочисленных заболеваний, при наличии которых в Китае возможно условно-досрочное освобождение осужденных в связи с достижением определенного возраста и по медицинским показаниям.

С учетом анализа законодательства Индии и деятельности Верховного суда Индии выделяется ряд направлений совершенствования института условно-досрочного освобождения осужденных в связи с достижением определенного возраста и по медицинским показаниям.

Рассматриваемые китайский и индийский подходы подчеркивают профилактическое значение института условно-досрочного освобождения и представляются обоснованными, так как позволяют учитывать одновременно поведение осужденного к лишению

[1] Данная статья составлена по результатам авторского перевода (сделан с учетом российской терминологии и в дальнейшем может корректироваться) и изучения законодательства Китая и Индии, а также материалов китайских и индийских СМИ, в том числе исходящих от государственных органов указанных стран.

свободы и состояние его здоровья при принятии решения о его досрочном освобождении (в отличие от российского опыта).

С учетом недостатков российского законодательства выделяется ряд направлений совершенствования условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью осужденного.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, медицинские показания, тяжелые заболевания осужденных, пояснения Верховного народного суда Китая, предписания Верховного суда Индии, предупреждение преступлений.

Для цитирования

Бальчиндоржиева О. Б., Мяханова А. Н., Скиба А. П. Условно-досрочное освобождение осужденных по медицинским показаниям: современные тендеции в Индии и Китае // Вестник Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова. Юриспруденция. 2026. Вып. 3. С. 61–69.

Снижение числа осужденных к лишению свободы, в том числе путем расширения практики их условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (далее — УДО), относится к одному из направлений современной уголовной политики России [1, с. 6–14; 2, с. 108–115; 3, с. 176–184]. С учетом того, что в последние годы большой интерес представляют общественные процессы, происходящие в Китайской Народной Республике (далее — КНР) и Республике Индия (далее — Индия), актуален анализ законодательства и практики применения УДО в указанных государствах [4, с. 121–128; 5, с. 164–169; 6, с. 26–30; 7, с. 521–528].

В юридической литературе в основном внимание обращалось на отличия китайского и российского законодательства и правоприменительной деятельности в данной области [8, с. 396–400; 9, с. 261–265; 10, с. 17–21; 11, с. 57–64; 12, с. 474–479]. Это является особенно актуальным с учетом того, что в России для досрочного освобождения осужденного применяются два различных вида — УДО (ст. 79 Уголовного кодекса (далее — УК) РФ) и освобождение от отбывания наказания в связи с болезнью осужденного (ст. 81 УК РФ), которые имеют расплывчатые критерии освобождения осужденных из учреждений уголовно-исполнительной системы, приводящие к противоречивой практике их применения судами в разных регионах нашей страны и при этом в обоих случаях не ориентированные на оценку возможности совершения лицом нового преступления после своего освобождения (что обоснованно критикуется в юридической литературе [13, с. 63–66; 14; 15, с. 88–96; 16, с. 516–523]).

В КНР и Индии в настоящее время наблюдаются в целом различные тенденции развития данного института, который, как и в России, имеет межотраслевой характер и регулируется в уголовном, уголовно-исполнительном, уголовно-процессуальном и ином законодательстве. Данный вид досрочного освобождения от отбывания наказания в УК КНР регулируется ст. 81–86в § 7 «УДО». При этом в отличие от России в Китае состояние здоровья осужденных является одним из оснований УДО, что представляется в целом обоснованным. Судебная практика в КНР также ориентируется на различные критерии при принятии решения об УДО осужденных, в том числе достижение пожилого возраста, наличие тяжелых заболеваний и пр.

В частности, в соответствии с пп. 25, 26 Пояснений Верховного народного суда КНР от 14 ноября 2016 г. «О применении законодательства о сокращении сроков наказания и УДО» УДО преимущественно применяется в отношении следующих категорий осужденных:

1) совершившие преступления в условиях превышения необходимой обороны или по неосторожности;

2) пожилые лица, т. е. лица старше 65 лет;

3) лица с тяжелыми заболеваниями или физическими недостатками [8, с. 123–129];

4) лица, которым не исполнилось 18 лет на момент совершения преступления;

5) лица, которые показали хорошие результаты исправления в период отбывания наказания.

Между тем, согласно ст. 214 УПК КНР, осужденным, которые могут быть общественно опасными, или осужденным, которые причиняют себе вред, не предоставляется УДО по медицинским показаниям.

В Китае при принятии решения об УДО по медицинским показаниям также учитывается перечень заболеваний, не поддающихся лечению в пенитенциарных больницах. К ним относятся:

– инфекционные заболевания;
– психические заболевания;
– сердечно-сосудистые заболевания, представляющие угрозу для жизни;
– тяжелые заболевания и травмы нервной системы;
– серьезные заболевания системы крови;
– злокачественные опухоли и т. д.

Помимо болезней (всего их несколько сотен. — *Прим. авт.*) отдельно устанавливаются условия УДО по медицинским показаниям для осужденных старше 65 лет.

В России подобный перечень (чуть более 50 диагнозов. — *Прим. авт.*) определен в постановлении Правительства РФ от 6 февраля 2004 г. № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью».

Помимо непосредственной оценки состояния здоровья осужденного при решении вопроса о его УДО китайским судом учитываются и иные обстоятельства, связанные с его взаимоотношениями с родственниками (так, имел место случай, когда в 2009 г. осужденный был досрочно освобожден, чтобы спасти родного брата путем пожертвования своей почки через хирургическое вмешательство), что, очевидно, помогает им реадаптироваться в общество после освобождения из мест лишения свободы.

Таким образом, в КНР институт УДО является уже сформировавшимся и в целом ориентированным на всесторонний учет поведения осужденного, а также состояния его здоровья.

Иная ситуация имеет место в Индии со специфической системой государственного управления и взаимоотношений между федеральными и региональными властями, где ряд штатов обладает достаточно большими полномочиями, в том числе в правоохранительной сфере. В связи с этим одним из актуальных вопросов

является унификация правоприменительной деятельности, что недавно помимо прочего выразилось в том, что Верховный суд страны обязал все штаты и союзные территории разработать комплексные правила досрочного освобождения пожилых и неизлечимо больных заключенных.

Данная проблема стала наиболее очевидной после того, как Национальное управление юридических услуг инициировало судебное разбирательство в Верховном суде Индии после проведения общенациональной «Специальной кампании для пожилых и неизлечимо больных заключенных» в 2024–2025 гг., выявившей более 5 тысяч заключенных, включая почти 2 тысячи подследственных, относящихся к указанным уязвимым категориям.

В итоге 16 июля 2026 г. коллегия судей констатировала, что с учетом наличия, по данным Национального бюро регистрации преступлений, в Индии в 2022 г. всего более 100 тысяч осужденных, из которых более 25 тысяч старше 50 лет, значительная часть тюремного населения состоит из пожилых людей, в том числе старше 70 лет, многие из которых имеют возрастные заболевания и хронические недуги.

В связи с этим потребовалось обеспечить унифицированный подход к досрочному освобождению из мест лишения свободы вышеуказанных категорий осужденных, в том числе определить единый стандарт «неизлечимой болезни», препятствующей отбыванию наказания. При этом рекомендовалось учитывать стандарт, установленный Управлением ООН по наркотикам и преступности, который относит «неизлечимую болезнь» к состоянию, при котором «нет разумной медицинской возможности того, что состояние пациента не будет продолжать ухудшаться и не приведет к смерти».

Кроме того, Верховный суд издал ряд обязательных предписаний на основе Конституции Индии с учетом статьи 32 (право на конституционные средства защиты) и статьи 142 (чрезвычайные полномочия Верховного суда для отправления полного правосудия). Согласно этим предписаниям, каждый штат и союзная территория должны в течение трех месяцев утвердить комплексную программу досрочного освобождения заключенных старше 70 лет или неизлечимо больных, которая должна предусматривать создание независимых медицинских комиссий на уровне округов и штатов для объективного медицинского освидетельствования и проведения периодических проверок состояния здоровья заключенных, четкую и строго регламентированную по срокам процедуру рассмотрения ходатайств об освобождении для недопущения «процессуальных задержек, из-за которых заключенные проводят свои последние месяцы или годы в заключении».

Для обеспечения прозрачности в исполнении решения Верховного суда Индии обязывается весь процесс освобождения отражать на Национальном портале электронных тюрем с регистрацией каждого ходатайства с присвоением уникального идентификационного номера, последующим отслеживанием всех этапов, включая медицинское освидетельствование заключенного, вплоть до окончательного решения компетентных органов об освобождении от наказания. При этом все штаты и союзные территории обязаны в течение 6 месяцев предоставить письменные подтверждения об исполнении указанных предписаний с уточненными данными о количестве заключенных, относящихся к вышеопределенным уязвимым

категориям, и на 19 января 2027 г. назначено повторное заседание Верховного суда для рассмотрения данных отчетов (очевидно, верховные судебные инстанции и в Китае, и в Индии занимают более активную позицию в унификации правоприменительной деятельности, нежели в России. — *Прим. авт.*).

В Индии институт УДО по медицинским показаниям переживает новый этап своего развития.

Выделим несколько ключевых моментов в данной новой индийской концепции УДО осужденных по медицинским показаниям:

– ее реализация необходима для решения проблемы переполненности пенитенциарных учреждений и снижения государственных расходов по длительному содержанию заключенных;

– все освобождаемые лица должны успешно реинтегрироваться в общество для недопущения совершения ими новых преступлений;

– освобожденные лица должны находиться, с одной стороны, под постоянным постпенитенциарным контролем за их поведением со стороны уполномоченного органа и, с другой — обеспечиваться соответствующей помощью в трудоустройстве и пр. для успешной реинтеграции в общество.

В настоящее время заключенные в Индии имеют право подавать ходатайство об УДО, а соответствующие органы обязаны их рассмотреть в соответствии с УПК Индии и законами отдельных штатов, которые определяют условия и критерии для данного вида освобождения от наказания. Так, согласно ст. 432 УПК Индии, у правительств штатов имеется право условно-досрочно освобождать осужденных и устанавливать конкретные условия для такого освобождения от наказания (это же предусмотрено и в Законе о тюрьмах Индии от 1894 г.).

В ряде штатов такие условия уже разработаны (в том числе в виде региональных законов), включая порядок подачи и рассмотрения ходатайства осужденного об УДО, критериях принятия решения об освобождении, а также постпенитенциарные обязанности лиц. Так, в штате Махараштра УДО регламентировалось долгое время Тюремными правилами от 1959 г., которые были обновлены в 2024 г. Кроме того, в некоторых штатах имеются постоянно действующие комиссии по принятию решения об УДО осужденных, включающие экспертов из различных областей (юристы, социальные работники, психологи и пр.).

Обычно критериями для принятия решения об УДО осужденных выступают:

– общественная опасность и характер совершенного преступления;

– хорошее поведение заключенного, особенно несовершение новых преступлений во время отбывания наказания или в период неотбытой части наказания, если осужденный ранее досрочно освобождался из мест лишения свободы;

– соблюдение постпенитенциарных ограничений и обязанностей в случае, если осужденный ранее уже отбывал наказание в виде лишения свободы: регулярная явка в уполномоченный орган, надлежащее поведение, воздержание от участия в преступной деятельности, посещение консультационных или реабилитационных программ, запрет на выезд за пределы указанной юрисдикции без разрешения и т. п.;

– оценка риска повторного совершения им преступления;

– возможность успешной реинтеграции в общество (например, проведения медицинского лечения);

– наличие чрезвычайной ситуации в семье;

– отбытие одного года наказания в виде лишения свободы, за исключением времени, проведенного в рамках программы смягчения наказания и пр.

Принятие решения об УДО включает следующие этапы:

– подача осужденным ходатайства, которое должно содержать сведения о цели такого освобождения, предполагаемом месте проживания и т. д.);

– администрация пенитенциарного учреждения проверяет информацию в отношении осужденного, включая его поведение, семейное положение, предполагаемое место жительства после освобождения и т. д., на основании чего выносит рекомендацию о (не-) поддержании данного ходатайства;

– окончательное решение принимает соответствующая комиссия или иной компетентный орган, который впоследствии имеет право проверять соблюдение лицом условий досрочного освобождения;

– суд имеет право проверять законность и обоснованность принятия решения об УДО осужденного, включая оценку риска совершения им нового преступления.

Кроме позиции Верховного суда Индии, содержащей идеи по совершенствованию УДО осужденных по медицинским показаниям и единообразию его реализации в различных регионах, другими направлениями развития данного института являются:

– обеспечение всесторонней независимости соответствующих комиссий с включением в их состав профессионалов из различных областей, которые могут принимать обоснованные и объективные решения об освобождении осужденного из места лишения свободы;

– информатизация и обеспечение публичности и прозрачных механизмов проведения всех этапов принятия решения об УДО;

– более активное привлечение общественности к принятию рассматриваемых решений и контролю за его законностью и объективностью.

Несмотря на то, что в Индии институт УДО по медицинским показаниям переживает новый этап своего развития, очевидно, что, как и в Китае, он имеет ряд положительных аспектов, отсутствующих в нашей стране. Так, помимо одновременного взаимосвязанного учета поведения осужденного и состояния его здоровья, а также оценки риска совершения им нового преступления в 79 УК РФ, ст. 175 УИК РФ и ст. 399 УПК РФ также отсутствует возможность участия общественности на разных этапах принятия решения об УДО, учет вероятности успешной реинтеграции лица в общество, наличие чрезвычайной ситуации в семье и применение иных критериев при рассмотрении ходатайства об УДО, а при принятии решения об освобождении осужденного от отбывания наказания в соответствии со ст. 81 УК РФ вообще не учитываются никакие критерии, кроме как такового состояния здоровья осужденного.

Вышесказанное свидетельствует о необходимости продолжения изучения зарубежного опыта досрочного освобождения осужденных от отбывания наказания для совершенствования российского уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и иного законодательства.

Литература

1. Грушин Ф. В. Развитие уголовной политики в отношении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 7(230). С. 6–14.

2. Маликов С. В. Концептуальные основы темпоральности уголовно-правового испытания // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9(70). С. 108–115.

3. Санташов А. Л., Скаков А. Б. Идея прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний и ее развитие в отечественной пенитенциарной науке // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 2(50). С. 176–184.

4. Закиров Т. М. Сравнительно-правовой анализ досрочного освобождения осужденных по законодательству зарубежных стран // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 3(54). С. 121–128.

5. Институт УДО в разных странах и его совершенствование в Российской Федерации / Т. Л. Боякова и [др.] // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2020. № 1. С. 164–169.

6. Мяханова А. Н., Дондокова М. Ю. О некоторых аспектах УДО в постановлении пленума Верховного суда РФ и пояснении Верховного народного суда КНР: сравнительно-правовой анализ // Российский судья. 2020. № 9. С. 26–30.

7. Мяханова А. Н. К вопросу о критериях УДО: анализ балльной системы оценки исправления осужденных в Китае // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17(1–4), № 4. С. 521–528.

8. Бальчиндоржиева О. Б., Мяханова А. Н., Скиба А. П. Раздел 4 «Смягчение наказания и условно-досрочное освобождение» Закона о тюрьмах Китайской Народной Республики: авторский перевод и краткий сравнительный анализ с законодательством Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18(1–4), № 3. С. 396–400.

9. Бальчиндоржиева О. Б., Мяханова А. Н., Скиба А. П. Раздел 7 «Условно-досрочное освобождение» Уголовного кодекса Китайской Народной Республики: авторский перевод и краткий сравнительный анализ со статьей 79 Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18(1–4), № 2. С. 261–265.

10. Жиляев Р. М., Строгович Ю. Н., Медведева И. Н. Краткий анализ законодательства зарубежных стран, регулирующего вопросы условно-досрочного освобождения // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 7(158). С. 17–21.

11. Мяханова А. Н., Скиба А. П., Гунзынов Ж. П. Условно-досрочное освобождение лиц с психическими расстройствами: китайский опыт постпенитенциарной профилактики преступлений // Вестник Кузбасского института. 2023. № 4(57). С. 57–64.

12. Скиба А. П., Мяханова А. Н., Дондокова М. Ю. Условно-досрочное освобождение: китайский опыт (по материалам практики Верховного народного суда Китайской Народной Республики) // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16(1–4), № 4. С. 474–479.

13. Долгополов Д. В. Актуальные вопросы теории и практики применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания к осужденным,

страдающим наркотической зависимостью // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 63–66.

14. Малин П. М. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы : монография. Краснодар, 2001. 200 с.

15. Мяханова А. Н., Скиба А. П. Предупреждение совершения новых преступлений при принятии решения об условно-досрочном освобождении осужденного: китайский опыт // Вестник Кузбасского института. 2025. № 3(64). С. 88–96.

16. Скиба А. П. К вопросу об актуальности введения балльной системы оценки степени исправления осужденных при рассмотрении вопроса об их условно-досрочном освобождении : тезисы доклада на заседании Научно-консультативного совета при Минюсте России // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 4. С. 516–523.

Статья поступила в редакцию 12.07.2026; одобрена после рецензирования 06.08.2026; принята к публикации 18.09.2026.

Medical Parole for Convicts: Current Trends in India and China

Oyuna B. Balchindorzhieva
Dr. Sci. (Philos.), A/Prof., A/Prof. at Philosophy Department,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
4 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia
baoyu2008@yandex.ru

Aleksandra N. Myakhanova
Cand. Sci (Law), A/Prof. at Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics
Dorzhi Banzarov Buryat State University
4 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia
alex27-m@mail.ru

Andrey P. Skiba
Dr. Sci. (Law), Prof.,
Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
1 Lyotchika Pilyutova St., Saint Petersburg 198206, Russia;

Prof. at Department of Criminology,
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
96 Reki Moyki Nabereznhaya, Saint Petersburg 190000, Russia
apskiba@mail.ru

Abstract. Based on the study of Chinese law and the explanations provided by the Supreme People's Court of China, we have concluded that the health status of convicts constitutes a *de facto* ground for their medical parole. The article provides a list of numerous diseases that warrant parole for convicts in China due to reaching a certain age and for medical reasons. Furthermore, through an analysis of Indian law and the rulings of the Supreme Court of India, we have identified several key areas for improving the institution of parole for aged convicts suffering from certain deseases.

The Chinese and Indian approaches highlight the crime-preventive value of medical parole and appear highly justified. Unlike the Russian practice, they allow the authorities to simultaneously account for both the convict's prison behavior and health status when deciding on early release.

In light of the shortcomings in current Russian law, we have proposed a series of recommendations for improving the system of parole and release from serving a sentence due to the convict's illness.

Keywords: parole, medical grounds, medical parole, severe illnesses of convicts, explanations by the Supreme People's Court of China, rulings by the Supreme Court of India, crime prevention.

For citation

Balchindorzhieva O. B., Myakhanova A. N., Skiba A. P. Medical Parole for Convicts: Current Trends in India and China. *Bulletin of Buryat State University. Law.* 2026; 3: 61–69 (In Russ.)

The article was submitted 12.07.2026; approved after reviewing 06.08.2026; accepted for publication 18.09.2026.

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник Бурятского государственного университета»

Отбор и редактирование публикуемых в журнале статей производятся редакционной коллегией выпуска, состоящей из ведущих ученых и приглашенных специалистов, задача которых — обеспечить соответствие статей требованиям РИНЦ и международных баз цитирования.

В «Вестник Бурятского государственного университета» следует направлять статьи, отличающиеся научной новизной и значимостью. Рецензенты статей должны являться признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и иметь в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Каждая статья имеет классификационный индекс универсальной десятичной классификации (УДК), а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью.

Автор статьи обязан заключить лицензионный договор о предоставлении неисключительных прав на использование созданного им произведения (статьи) ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова». Образец лицензионного договора представлен на сайте БГУ.

Общие требования	Тексты предоставляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть отправлен электронным письмом или на электронном носителе. На последней странице — подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются на русском и английском языках. Название приводится строчными буквами, не более 10 слов, без аббревиатур и сокращений. Точка после заглавия не ставится. Аннотация (авторское резюме) должна содержать от 100 до 250 слов. Ключевые слова и словосочетания (не менее десяти слов) на русском и английском языках. Ключевые слова и словосочетания разделяются символом «,» (запятая), недопустимо использование любых аббревиатур и сокращений. Несоответствие между русскоязычным и англоязычным текстами не допускается. Литература должна содержать не менее 10 источников. Между инициалами должны стоять пробелы (например, А. С. Пушкин). Номер источника указывать в тексте в квадратных скобках.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое — 15 мм, левое — 25 мм, верхнее, нижнее — 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ — 5 мм. Интервал — полуторный.
Объем статьи (ориентировочно)	Краткие сообщения — до 3 с., статьи на соискание ученой степени кандидата наук — 8–12 с., на соискание ученой степени доктора наук — 10–16 с.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность (если есть, только на русском языке) и официальное название места работы, желательно из устава, в именительном падеже, страна, адрес с почтовым индексом (на русском и английском языках), e-mail

• Англоязычная аннотация должна представлять собой качественный перевод русскоязычной аннотации. Использование автоматического перевода различных интернет-сервисов недопустимо.

• Список литературы — все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках. В литературу не включаются любые материалы, не имеющие конкретного автора (законы, стандарты (включая ГОСТы), статьи из словарей и энциклопедий, страницы сайтов), где не указан конкретный автор, ссылки на них оформляются как сноски в тексте статьи.

• Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией выпуска «Вестника Бурятского государственного университета». Корректура авторам не высылается, присланные материалы не возвращаются.

• Статьи принимаются в течение учебного года.

• Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, аннотацию и название которых необходимо перевести на русский язык.

• Формат журнала 70x108 1/16.

• Рисунки и графики должны иметь четкое изображение. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки. Математические формулы в текстах должны быть выполнены в MathType. Если работа содержит примеры на старославянском языке или языках народов мира, то отправить соответствующие символы.

• Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются. Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат. ВУЗ».

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4, Издательство Бурятского государственного университета.

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии Бурятского государственного университета.

Пресса России
Объединенный каталог

ПОДПИСКА-2027
на январь — июнь
по интернет-каталогу
«Пресса России»

Подписная кампания на журнал
«Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция»
проводится по интернет-каталогу
«Пресса России» ПОДПИСКА-2027/1
на сайте https://www.pressa-rf.ru по индексу 41168

Условия оформления подписки (аннотация, индекс(ы), стоимость) вы найдете на страницах тематического и алфавитного указателей интернет-каталога «Пресса России» на сайте https://www.pressa-rf.ru